Химера

Автор:
Александр Варго

Химера

Александр Варго

MYST. Черная книга 18+

Молодой бизнесмен Дмитрий Савичев проводит с семьей отпуск в пятизвездочном отеле на берегу живописного водохранилища. В первые же дни отдых омрачается ужасным событием: в воде, недалеко от берега, находят растерзанные тела молодых девушек. По округе пошли почти фантастические слухи о живущем в водоеме монстре, пожирающем людей. Бизнесмен начинает охоту на неведомую тварь, а тварь, в свою очередь, продолжает охотиться на людей. И тут приходит леденящая душу новость: монстр – продукт человеческого ума…

Александр Варго

Химера

Суд ознакомился с видеозаписью, сделанной на камеру мобильного телефона в отеле «Istra Park» в ночь с 20 на 21 июля, и, руководствуясь мнением эксперта, доктора биологических наук Елагина М. В., принял решение не приобщать видеозапись к материалам дела, поскольку запечатленное на ней существо не относится ни к одному из известных видов, обитающих на территории РФ и за ее пределами…

Из заседания Истринского городского суда Московской области. «Дело о массовой гибели посетителей отеля «Istra Park»

Пролог

10 июля

Даша поняла свою ошибку, лишь дойдя до полосы леса, отделявшей поселок от воды. Особняк, где гремела вечеринка, был окружен фонарями, и с крыльца ей показалось, что для поисков оставленного на причале мобильника еще светло. Но когда дома с высокими заборами остались позади, а разгоряченную шампанским девятнадцатилетнюю девушку в платье Gianfranco Ferre обступили темные, неприятно шелестящие деревья, стало понятно, что за пределами элитного поселка стоит глубокая ночь – тропинка под ногами едва просматривалась.

Даша Миронова редко испытывала страх. Ей просто нечего было бояться, имея отца, состоящего в правлении металлургического холдинга. Криминал, проблемы с финансами, отсутствие перспектив – все это были неприятности из другой жизни. От криминала ее оберегали охрана и заборы, баланс на кредитке не истощался, а после окончания престижного вуза, где она училась на втором курсе, ее ожидало кресло финансового директора в дочерней компании холдинга. Дочка в «дочке», шутил папа. Жизнь давалась Даше легко. Она обожала ночные клубы, парфюмерию Dior, автомобиль Porsh-Cayene, каникулы в Швейцарии. Что ей какая-то темнота? Ее жизнь была прямой и беззаботной, как эта тропинка, ведущая к лодочному причалу.

Путь она знала как свои пять пальцев. И причал, и тропинку к нему соорудили по указанию папы – в свои редкие выходные он любил потерзать истринские волны плексигласовым килем гидроцикла Yamaha. К тому же эти полторы сотни метров до берега огорожены, так что Даша не боялась заплутать в темноте или столкнуться с опасными бродягами. Куда больше беспокоил оставленный на причале мобильник, поскольку на него в любой момент могла позвонить мама.

Когда дочь пропадала из поля зрения, та не находила себе места. Куда бы Даша ни пошла – в любой момент из дома мог прийти звонок: где ты? Если не ответить, мама бежала жаловаться папе, что его дочь опять забросила учебу и гуляет по ночным клубам. И это было опасно, это грозило домашним арестом и сорванными каникулами в Швейцарии. Этого Даша, пожалуй, боялась. Так что

легче было своевременно поднимать трубку и отвечать: «Да, ма… все нормально, ма… никаких проблем. Я уже дома/на даче/в машине».

Даша точно знала, что оставила мобильник на краю причала, где компания раздевалась перед купанием три часа назад. К тому времени они крепко набрались, но Даша отчетливо помнила, что туда шла, сжимая в руке мобильник, а обратно – задницу Владика. Телефона в тот момент в руке, естественно, не было.

Никто из друзей не захотел проводить ее до пристани: одни были пьяны, другие занимались любовью, третьи плясали, как одержимые. Даша хотела послать на берег домработницу Галю, но потом вспомнила, что рассчитала ее утром. Эта криворукая деревенщина отгладила блузку за пятьсот баксов с лицевой стороны, да еще брызгая на нее. Шелк в результате потерял блеск и пошел пятнами. Дашу, которая трепетно относилась к вещам, небрежность взбесила. Всем известно, что шелк гладят с изнанки, немного увлажняя ткань, но ни в коем случае не взбрызгивая.

Галя неловко и шепеляво извинялась. Говорила, что было много белья и она не обратила внимания. И еще что-то говорила про пониженный гемоглобин у восьмилетнего сына, из-за чего последние дни сама не своя. Даша не слушала оправданий. Не умеешь работать в приличном доме – иди коров доить. Как говорится, спасибо и досвидос! В агентстве по подбору персонала на это место очередь. Галя побелела, когда услышала про расчет, но сердце Даши не дрогнуло.

Правда, теперь, вместо того чтобы послать домработницу, будущему финансовому директору пришлось лично переться на темный причал. К счастью, вскоре она увидела за деревьями воду, в которой отражались огни расположенного неподалеку отеля Istra Park.

* * *

Когда Даша спустилась на берег, особняк закрыли деревья. Буханье танцевальной музыки отдалилось, уступив место первозданной тишине. И тогда из зарослей у воды девушка услышала глухое странное:

– Бу-бу-бу… бу-бу-бу…

Она вздрогнула, быстро протрезвев.

– Кто здесь?

Звук оборвался. Зашуршали камыши. Возможно, от ветра. Что-то негромко плеснулось… и все стихло.

Не меньше минуты, затаив дыхание, Даша стояла посреди тропинки. Мостки с привязанными лодками находились в нескольких метрах. Стена темного леса нависала над кромкой водоема. С тихим плеском на берег накатывались волны. В траве стрекотали кузнечики.

Даша отерла со лба испарину.

Что это было?

Она вгляделась в прибрежные заросли, откуда раздавался странный звук. Ничего. Кусты, камыши… Прохладный ветерок с воды пошевелил подол дизайнерского платья, забрался под него, пощекотал изнутри бедра. Даша свела ноги, испытывая неловкость.

Показалось или она действительно что-то слышала? Что-то, похожее на человеческое бормотание?

Она не настолько пьяна для галлюцинаций. Всего полбутылки шампанского и две затяжки Вениного косяка – по Дашиным меркам, более чем скромный отрыв. Сегодня надо держать себя в руках. Надо следить, чтобы компания не разнесла родительский особняк, иначе ей достанется от мамы. И от папы, кстати, тоже…

«Наверное, какая-то птица, – решила Даша, думая о необычных звуках, – сова или выпь. Иногда птицы кричат очень странно».

Истринский район называют Меккой экологии, и сотка земли стоит здесь почти как на Рублевке. А когда есть экология, водиться может все, что угодно, любая пернатая живность. Однако Даша почему-то была уверена, что слышала не

птицу. Человека.

– Эй! – обратилась она к темноте. – Это частная территория. Я сейчас охрану позову. Вышвырнут отсюда да еще наваляют.

Никакого ответа. Даша немного успокоилась.

Мобильник долго искать не пришлось, он лежал там, где она и думала, – на мореных досках причала, поблескивал стеклом в свете огней отеля. Даша подобрала аппарат, проверила входящие.

Так и есть, мама звонила восемь раз.

– Черт! – с досадой произнесла девушка.

Она набрала номер и усталым голосом заверила беспокойную родительницу, что у нее все о’кей. Забыла мобильник на причале. Так получилось. Мать не поверила и попросила к телефону кого-нибудь из подруг. На идиотскую просьбу Даша ответила, что они все спят. Мать опять не поверила… Во время препираний рядом с мостками раздался странный плеск и звякнула лодочная цепь, но рассерженный голос матери не позволил Даше отвлечься на посторонние звуки.

– Ма, хватит меня пасти! – крикнула она в трубку. – Я взрослая. Хватит уже!

– Слишком взрослая! – тем же тоном ответила мать.

Даша от злости едва не раздавила клавишу выключения. Обвела взглядом темное водохранилище, озабоченно вздохнула. С матерью надо что-то делать. Это просто невыносимо, когда родную дочь пасут, словно двухлетнего ребенка.

«Надо напиться, – решила она. – Как следует».

В принципе, пик активности вечеринки пройден: часть друзей уже не стоит на ногах, другая трахается, так что надзор за ними не требуется. Вполне можно напиться.

Даша сошла с причала, ища за деревьями огни особняка, где ее ждали шампанское и танцевальная музыка. И стоило гравию пару раз хрустнуть под ее легкими ступнями, как девушку настиг сильный удар в спину…

Она опомнилась на земле. В голове было мутно. Коленку заломило от удара о камень. Правая бретелька сползла с плеча. Даша ощупала платье и обнаружила, что Gianfranco Ferre треснуло по шву. В стороне от тропинки валялся выпавший мобильник, освещая экраном стрелы осоки.

Даша была ошеломлена. Она поправила бретельку, но та опять сползла, и это ее разозлило. За левым плечом раздавалось дыхание толкнувшего ее наглеца – грудное, с хрипотцой. Убегать он, похоже, не собирался.

Она оглянулась, но увидела лишь темный размытый силуэт.

– Пошел прочь! – воскликнула девушка.

Она не знала, к кому обращается, просто хотела отпугнуть нахала. Еще никто и никогда не поступал с дочерью мультимиллионера таким образом, чтобы она распласталась по земле, словно пьяная шалава.

Локти, которыми она врезалась в гравий, были липкими… Разбиты в кровь.

– С-скотина… – простонала она, но в следующий миг слова застряли у нее в глотке. Она вдруг осознала, что рядом с ней не человек. Каким-то животным чувством, инстинктом. Даша была уверена, что «бу-бу-бу», которое она слышала, спускаясь к причалу, издавал нападавший. И человеком не был. Под покровом темноты скрывалось нечто звериное, лютое, первобытное…

«Это сон! – вдруг догадалась она. – Этого не может происходить наяву. Точно, это сон!»

Темная тварь приблизилась, и в ноздри вторглось густое, отвратное зловоние – смесь рыбьей требухи, затхлости и тины. Вонь была настолько реальной, что Дашу едва не стошнило. Представлять все происходящее сном было наивно и глупо.

Дашу охватил ледяной ужас.

В голове пронеслось: бежать! Как можно скорее! Не теряя драгоценных секунд, чтобы поправить бретельку и подобрать телефон!

Прежде чем в голове оформилось решение, ноги разогнулись и бросили тело. Даша побежала по тропинке, припадая на левую ногу. Тропинка взбиралась на пригорок, но девушку это не беспокоило. В нее словно вдохнули новые силы. Ноги несли, не чувствуя земли, легкие качали воздух, глаза определяли в темноте маршрут.

Существо у нее за спиной фыркнуло и бросилось вдогонку. Гравий под ним тяжело хрустел, но Даша была уверена, что бежит быстрее. Она летела в гору, сердце испуганно скакало в груди. Ей хотелось оказаться отсюда как можно дальше, в родительском особняке, теплом, уютном, полном света и пьяных друзей. И не знать о том, что на темном берегу за стеной леса рядом с элитным поселком обитает натуральный ужас…

Сосновый корень, вспучившийся из земли, угодил ей под ноги, и Даша, еще не осознавая катастрофы, повторно растянулась посреди тропинки. Она даже не ощутила падения. Ей казалось, что она все еще бежит, что преследователь отстал, а родной забор рядом… И только когда оборвался хруст шагов позади, она встрепенулась, придя в себя. А в следующий миг тяжелая скользкая туша рухнула ей на спину, отбив легкие…

Растерянно хлебая воздух, словно выброшенная на берег рыба, Даша не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

Существо, соскользнув с оглушенной жертвы, грубо и бесцеремонно ухватило ее за левую лодыжку и, словно мешок с рухлядью, потащило в обратную сторону. Какое-то время ошеломленная Дарья пыталась осознать происходящее. Потом из ее груди вырвался отчаянный крик:

– Не трогай меня, козел! А ну отпусти! Отпусти, сказала! Отпусти-и-и-и!!!

Они свернули с тропинки в траву. Дизайнерское платье с фиалками задралось до подмышек, чашечки лифа сползли, выпустив грудь с затвердевшими, как монеты, сосцами. Жесткая осока тут же посекла кожу, но охваченная ужасом

Даша не почувствовала боли. Она плакала и умоляла нападавшего оставить ее в покое, предлагала ему денег, но слышала в ответ лишь пыхтение и фырканье – он упрямо волочил ее куда-то во тьму и сырость. Поняв, что все усилия бесполезны, Даша громко и отчаянно закричала в надежде, что кто-нибудь ее услышит…

В распахнутый рот хлынула стоялая, пахнущая тиной вода, которая быстро наполнила легкие. Мозг, оставшийся без кислорода, успел только осознать…

Она утонула, она мертва!!!!!!!

…и отключился.

* * *

Пропажа хозяйки открылась утром. Продрав глаза и опохмелившись, гости поначалу думали, что она либо отсыпается в одной из спален трехэтажного дома, либо ушла поболтать с соседями. Ближе к полудню компания встревожились. Друзья Даши бродили по участку и улицам поселка, спускались к водохранилищу. Там, в траве, Влад нашел Дашин мобильник, а затем и потерянную туфлю. Стало ясно, что случилась беда.

Родителям позвонил самый трезвый и авторитетный из компании, сын депутата Московской областной думы Артур. Он учился с Дашей в одном классе, бывал у Мироновых дома, знал папу и маму. Артуру повезло – он попал на Владимира Николаевича…

Около 15.00 дежурный УВД Истринского района получил звонок из областного главка, что в элитном поселке Сосновый при невыясненных обстоятельствах исчезла девушка. Папа девушки большой человек, поэтому к заявлению следует отнестись, как если бы несчастье случилось с твоим родственником. Дежурный офицер немедленно отправил в поселок следственно-оперативную группу. Опера осмотрели тропинку, берег, пристань. Опросили друзей, охрану поселка, жителей близлежащей деревни. У причала на глубине полуметра нашли вторую туфлю.

В 16.30 подъехал специалист-кинолог. Овчарка по кличке Долли, схватив запах духов Даши, пробежала от причала до калитки особняка, вернулась, покрутилась у воды и, глядя на хозяина, негромко заскулила.

К этому времени, урча мотором, подошел бело-синий катер Государственной инспекции по маломерным судам, относящейся к службе МЧС. Старший инспектор в синей форменной куртке, из-под которой выглядывала тельняшка, пружинисто сошел на мостки и цепко оглядел из-под кустистых бровей кусок пляжа и заросли. Его лицо прорезали глубокие морщины. Леонидыч переехал на Истру откуда-то с Черного моря, судя по всему, много повидал, но мало о себе рассказывал. О нем знали только то, что в водных судах, рыбалке и водолазном деле он разбирался, как бог. Мужик на все руки, говорили местные рыбаки. В прошлом году вместе с водолазами МЧС доставал со дна затонувший катер и искал утопленников.

– Ну что, Леонидыч? – сказал один из оперов. – Похоже, завтра с утра придется тебе одевать свое резиновое изделие.

Опера негромко загоготали.

– А по-моему, меня окружают резиновые изделия, – не остался в долгу инспектор. – Нашли чего?

– Собака привела к воде. Девочка пошла купаться и тю-тю!

Леонидыч осмотрел берег, почесал подбородок.

– Может, на лодке уехала?

– Все лодки на месте. Но надо проверить, не плавал ли кто ночью.

Жители деревни показали, что слышали ночью звук мотора. Кто-то гонял по Истре, но подходил ли к причалу столичных нуворишей – сказать затруднялись. Оперативники решили, что имеют дело с несчастным случаем на воде, и собирались успокоиться: дальше в работу вступали водолазы. Но не тут-то было. Отец жертвы подключил связи и привел в движение более серьезный механизм.

На следующее утро сотрудники полиции Истринского района совместно с курсантами учебного центра Теряево и военнослужащими близлежащей части начали прочесывать окрестности. Они осматривали поля, леса, заросли, овраги, канавы, чердаки, подвалы, заброшенные и строящиеся здания. Небо над водохранилищем наполнил стрекотом вертолет Eurocopter, с борта которого два спасателя осматривали поля, лесные массивы, дачные участки. Леонидыч с водолазами МЧС, разбив водохранилище на квадраты, начал проверять дно.

Масштабные поиски продолжались два дня и не принесли результата. Девушка словно растворилась в буйной природе Подмосковья. На исходе третьих суток следователь по особо важным делам Андрей Горюнов, которому поручили дело, ломал голову над многочисленными вопросами. Все обстоятельства указывали на несчастный случай, однако тело не всплыло и не было найдено водолазами. Что произошло? Куда исчезла Дарья Миронова? Есть ли в ее исчезновении криминал?

Из всей массы людей, занимавшихся поисками, никто не обратил внимания на странный след у причала на полосе влажного песка. Нечеткий оттиск ладони, похожей на человеческую, только с перепонками между пальцев…

Часть 1

Таинственное «бу-бу-бу»

Глава 1

14 июля

После гидроузла имени Куйбышева дорога пошла вдоль леса, и хвойные деревья загородили лобовое стекло от солнечных лучей. Митя вздохнул с облегчением и смахнул пот с бровей. Кондиционер не справлялся с 35-градусной жарой, охватившей среднюю полосу России. Синоптики предсказывали жаркое лето, и в середине июня прогноз начал оправдываться. За следующие три недели на

землю не упало ни капли влаги, температура в столице стояла под тридцать. Плавился асфальт, магистрали застыли в пробках. Жители бежали из раскаленной столицы. Савичевы – Митя, его жена и двухлетняя дочь – в числе прочих.

Он подправил решетку обдува, чтобы поток воздуха точнее попадал на лицо, когда в глубине леса показалась цепочка серых мундиров. Митя сперва не понял, что они делают в чаще. Корпоративный пикник? Ролевая игра? Лишь когда Volvo пролетел пару десятков метров, открылась полная картина.

Люди в серых крапчатых куртках – то ли полиция, то ли спасатели, – вытянувшись цепью, медленно шагали между деревьями. Вид у них был серьезный – никаких разговоров, все внимание приковано к подножию леса.

В груди у Мити шевельнулась тревога. Здесь что-то случилось. Что-то нехорошее, недоброе.

Он глянул в зеркало. Натали на заднем сиденье поила Машу из чашки-непроливайки. Ветер из приоткрытого окна трепал волосы супруги. Точеный подбородок приподнят, глаза скрыты под солнцезащитными очками. Она не видела, что творилось за окном, и не глядела на Митю. Последние полчаса она вообще с ним не разговаривала.

Натали обиделась, что он поехал по Волоколамскому шоссе, где они попали в пробку на въезде. Она предлагала маршрут через Ленинградское шоссе, но Митя не послушал. На Ленинградке они простояли бы по-любому, но объяснять это жене не стал, просто поступил по-своему. Натали невозможно переубедить, если она что-то вбила себе в голову.

Настоящая копия своего отца.

Его супруга была дочерью влиятельного московского чиновника. Иногда Митя удивлялся, как она вообще вышла за него замуж. Отец желал для нее лучшей партии, чем индивидуальный предприниматель с образованием биолога.
А Натали была заманчивым вариантом для любого из поросли современной элиты. Умная, со стройной фигуркой и отличным вкусом в одежде, с легкостью определяющая, какой вилкой нужно есть креветок в ресторане, рассуждающая о Борхесе и искусстве неореализма. Однако, кроме всего, природа наградила

Натали утонченной красотой. Когда Митя шел с ней по улице, мужчины оглядывались. Отец называл ее не иначе как «принцесса».

– Мама, пиехаи? – спросила Маруся, оторвавшись от чашки.

– Нет, зайчик, еще не приехали, – ответила Натали. – Короткому пути наш папа предпочитает запутанный. Дай бог, если доберемся к вечеру.

Митя промолчал на эту колкость. Ему не хотелось привлекать ее внимание, чтобы Натали подняла голову и уронила случайный взгляд в окно. Лучше не знать о тревожных событиях за окном, лучше быть в неведении. Впрочем, через пару секунд люди остались позади, в глубине леса. А еще через десять минут супруги Савичевы въехали туда, где им предстояло позабыть о всех тревогах.

Сначала на обочине дороги блеснула стальная плита с золотыми буквами «Istra Park» и пятью звездами. За поворотом дорога уперлась в высокий забор, уходящий в обе стороны в глубь леса. Охранник на воротах нашел фамилию в списке и объяснил, как проехать к главному корпусу, после чего ворота открылись. Митин паркетник по идеальной асфальтовой дорожке вкатился в самый дорогой отель Подмосковья.

Митя припарковал Volvo у главного корпуса. Вылез, собираясь вытащить Марусю из детского кресла, но застыл на мгновение, вдохнув острый лесной воздух. Натали вышла из машины, изумленно оглядываясь.

За чередой симпатичных сосенок блестело водохранилище и желтел длинный пляж, от которого доносился плеск воды и радостный визг детей. По залитым солнцем дорожкам прогуливались пары и катались на роликовых коньках подростки. На корте стучал теннисный мяч. В динамиках играла музыка в стиле «релакс».

Istra Park превзошел все ожидания. Фешенебельный пятизвездочный комплекс в стиле хай-тек, растворенный среди хвойного леса, окруженный водой, свежим воздухом и птичьим щебетом, был похож на рай.

Натали сняла солнцезащитные очки. В ее серых глазах светилась радость, а на устах играла улыбка – редкие эмоции на лице, обычно напоминающем скульптуру.

– Это просто фантастика! – сказала она. – Боже, мы попали в сказку!

Митя был с ней согласен абсолютно и безоговорочно.

* * *

Митя Савичев, родившийся в подмосковном Дмитрове в семье инженера и учительницы, гордился тем, что добился всего в жизни своими силами и своим умом, не пользуясь связями и протекцией. Детское увлечение животными привело его на биофак МГУ, где он получил диплом и около года занимался наукой, изучая мутации генов у ящериц и цыплят. Работа была интересной, но низкооплачиваемой, и Митя устроился по совместительству в зоомагазин. Возня с хомячками и черепахами подала ему идею собственного бизнеса, позволившего оставить и лабораторию, и зоомагазин.

Вместе с талантливой выпускницей школы ландшафтного дизайна они изготовили два террариума. Один для древесной жабы, второй для водяной змеи. Это были не слишком экзотичные животные, но антураж из травы, коряг, мшистых камней, а также маленький водоем превращали стеклянный ящик в частицу живой природы. Реализация продукта превзошла все ожидания. Террариум с жабой приобрел в кабинет глава отделения Сбербанка, а змеиный аквариум украсил гостиную загородного дома на Клязьме.

Бизнес быстро пошел в гору. Террариумы заказывали дорогие рестораны, загородные дома, представительские офисы крупных компаний. Митя расширил штат, организовал производство аквариумов, стал сам поставлять рептилий из Малайзии и Вьетнама, открыл сервисную сеть. У бывшего биолога появилась возможность есть в ресторанах, одеваться в бутиках, выбирать автомобиль по вкусу, взять по ипотеке трехкомнатную квартиру.

Именно тогда, на подъеме, он встретил Натали. Знакомство с ней вышло необычным, словно в кинофильме. Однажды в клубе за дальним столиком он увидел потягивающую коктейль одинокую девушку. От прекрасных черт и изящного профиля было невозможно отвести глаз.

Его приятель Макс засмеялся, проследив за взглядом:

– Даже не думай. Не по тебе рыбка.

– Почему?

– У нее папа – Абрамов. Большая шишка в Москве. Многие к ней подкатывали – бесполезно. Девочка себе на уме.

Митя игнорировал совет и подошел. И получил следующий ответ. Он добьется ее внимания, когда принесет ветку цветущей сакуры. На кодовом языке Натали это означало: не отправиться ли тебе куда-нибудь подальше? Так она отшивала ухажеров одиннадцать месяцев в году – он это узнал после свадьбы. Но в тот вечер Митя не растерялся.

Он покинул клуб и на такси добрался до ботанического сада МГУ, где у него работал однокурсник. Ближе к утру, когда Натали собиралась уходить, на стол перед ней легла ветвь, усыпанная розовым пухом. Несколько секунд девушка хлопала глазами, разглядывая дар, не в состоянии вымолвить ни слова, что с ней случалось редко.

– У нас она цветет в апреле, – удивилась она. – А сейчас май.

– Это розовая сакура. Она цветет на две недели позже.

Серые глаза взглянули на Митю с интересом.

– Откуда знаешь?

– Я биолог по образованию.

Так они стали встречаться. Митя ухаживал за ней, как ни за одной другой девушкой. Каждый раз старался удивить необычными поступками. Предложение он сделал в Катманду, в маленьком ресторанчике посреди озера. Зеленая игуана вскарабкалась ей на плечо, держа во рту кольцо с изумрудом в четверть карата. Натали попросила дать ей время подумать. Они вернулись в Москву, и после мучительной недели ожиданий Митя получил положительный ответ.

За пару месяцев до свадьбы отец невесты пригласил Митю в свой кабинет, посадил в скрипучее кожаное кресло, налил двадцатилетнего виски. Будущий тесть начал разговор издалека, говорил обтекаемо, но в итоге закончил тем, что у Митиной фирмы нет будущего. Произнесено это было уверенно и безапелляционно. То, чем занимается Савичев, – это пародия на бизнес. Компания либо разорится, либо ее съедят конкуренты.

Чиновник московского правительства предложил работать под его началом. Митя встанет во главе строительной компании, а Абрамов обеспечит его лакомыми кусками федеральных заказов, доходы от которых пойдут обоим в карман. Поначалу Митины роялти будут невелики, но когда он наберется опыта, процент вырастет и доходы на порядок превысят то, что он зарабатывает на «зверюшках». Слово «распилы» в разговоре не прозвучало, но оно буквально витало в воздухе среди табачного дыма.

Митя выслушал тестя, поблагодарил и мягко отказался. Он объяснил, что ему нравится заниматься тем, что он делает, это работа по специальности. Вот и все. Предложение. Отказ. Казалось бы, пожали руки, разошлись.

Абрамов неожиданно разозлился. Он назвал Митю щенком, не знающим жизни. Если дочь по глупости выходит за него замуж, это еще не значит, что он позволит содержать ее в нищете, а семейная жизнь Савичева этим и закончится – нищетой, потому что в бизнесе выживают акулы, а не караси. Митя не сможет содержать семью, а Натали заслуживает лучшей участи.

Митя не вынес унижений и покинул дом. Через два дня от супруги Абрамова пришло известие: отец поклялся, что не поможет молодоженам ни копейкой. Натали поинтересовалась, какая кошка пробежала между ними? Митя ответил, что у него есть принципы, которые ее папаша не купит даже за свои барыши. Они проживут без его помощи – бизнес террариумов приносит неплохой доход. Пусть не такой, как левые заработки московского чиновника, но все-таки… После этих слов Натали вдруг обняла его, нежно поцеловала и сказала, что полюбила Митю именно за это. Он спросил, за что, но она не уточнила.

На свадьбу дочери тесть, владевший двумя загородными домами, землей в Подмосковье и Крыму, охотничьим хозяйством в Карелии, подарил кухонный сервиз за три тысячи рублей. Он сидел в дальнем конце стола. Его мрачное, словно на похоронах, лицо отравляло атмосферу веселого празднества.

С тех пор прошло три года. Болезненная рана между новоиспеченными родственниками зарубцовывалась очень медленно. Митя присутствовал на семейных праздниках и званых ужинах Абрамовых, но общение с тестем заходило не дальше холодных рукопожатий. На дни рождения Митя получал галстук, а Натали – коробочку духов. Больше всех повезло Марусе, которой в день ее появления на свет перепали золотые сережки.

А потом у Митиной фирмы начались проблемы.

У него появились конкуренты, ввозившие рептилий полулегально и использовавшие поддельные сертификаты, отчего их террариумы получались в два раза дешевле. Ведущего дизайнера переманил крупный производитель аквариумов, а террариумами стали заниматься все подряд. У Митиной фирмы резко упали заказы. Он сократил производство и уволил часть сотрудников, но положение оставалось критическим.

Временами Мите казалось, что земля уходит у него из-под ног. За глянцевым покрывалом жизни обнаружился мрак, где прятались монстры Нищета и Голод. Все чаще накатывали депрессия и мрачные мысли. Что будет, если фирма обанкротится? Как выплачивать кредиты? На что содержать жену и дочь?

Особенно жену.

До последнего времени он поддерживал образ жизни, к которому Натали привыкла в семье отца. Одежда, парфюм, рестораны, курорты – Митя не отказывал ей ни в чем. Однако нынешней зимой, когда Натали спросила, как поживает их семейный отдых в этом году, Митя ответил, что его не будет. Их бюджет не потянет даже поездку в Турцию. Натали ошеломленно замолчала. На лице проступило такое выражение, будто он ее ударил. Не говоря ни слова, она впихнула Марусю в комбинезон и ушла гулять на полдня. Вернулась с неожиданным известием: она была у мамы, и та подсказала идею.

Год назад отец Натали открыл на Истринском водохранилище пятизвездочный отель. Он уволился из московского правительства и проводит сутки напролет за городом. Вместе с каким-то компаньоном вложил в проект все свои деньги, собираясь превратить отель в популярное место отдыха. Но не это главное.

Супруга Абрамова раскрыла дочери страшную тайну: отец страстно желает понянчиться с внучкой. Он готов забыть о конфликте и сдать Савичевым коттедж за полцены, только чтобы видеть маленькую Машу каждый день.

– Вариант супер! – говорила Натали. – У нас будет полноценный отпуск в фешенебельном отеле Подмосковья. А у тебя появится возможность помириться с отцом.

Митя не особенно стремился проводить демаркационные линии и обговаривать условия перемирия. К тому же две недели бок о бок с тестем могут оказаться не отдыхом, а пыткой. Абрамов наверняка в восторге, что бизнес Мити посыпался, как карточный домик, и при каждом удобном случае будет об этом напоминать.

Митя честно изложил свои сомнения жене. И тут же получил.

Чеканя слова с холодной яростью, Натали ответила, что не он ходил девять месяцев беременным, после чего полтора года нянчился с ребенком. Он представить себе не может, как она устала от четырех стен и прогулок с коляской по окрестным кварталам. Так что Мите лучше всего засунуть куда-нибудь уязвленную гордость и уважить просьбу любимой супруги, которая, между прочим, родила ему дочь!

Митя не стал спорить. Во-первых, спорить с ней все равно было бесполезно. А во-вторых, он неожиданно понял, что действительно думает только о своих проблемах и совсем забыл о проблемах ее. Натали в самом деле следовало развеяться, отдохнуть от обязанностей молодой мамы.

И он согласился.

* * *

Отметившись на ресепшн, они разгрузили вещи в коттедже; Митя отогнал на стоянку семейный Volvo, после чего Савичевы отправились осматривать территорию.

Отель был построен на большом лесистом мысе, который на гугловском снимке со спутника был похож на треугольник, выдающийся из суши в темную синеву

водоема. По юго-восточной стороне треугольника тянулся песчаный пляж, вдоль которого размещались зоны отдыха, бары, беседки, коттеджи. Северная сторона была лесистой, обрывистой, из строений здесь преобладали хозяйственные постройки. В центре мыса, окруженный зеленой пушниной реликтовых сосен, возвышался главный корпус.

Еще в Москве, знакомясь с Istra Park по буклетам, Митя отметил, что Абрамов строил отель не для простых смертных. Стоянка изобиловала «мерседесами» и «лексусами», среди которых затесалась парочка «роллс-ройсов». Во время прогулки на дорожках попадались подтянутые мужчины средних лет со спокойными взглядами крупных менеджеров и дамы с бриллиантовыми украшениями – жены, дочери и любовницы московской элиты. Оглядывая контингент, Натали сказала, что отдых здесь – большая удача. Митя так не думал. Он предпочитал компанию людей попроще, но Натали его мнение, как всегда, не интересовало.

По тенистой аллее, тянущейся вдоль берега, они добрели до оконечности мыса. Там, за березовой рощей, обнаружилась высокая, видимо, искусственная скала. Сплюснутая вершина образовывала просторную площадку, огражденную чугунными перильцами.

– Это, должно быть, площадка для мероприятий и шоу на декоративной скале, – вспомнила Натали содержание буклета. – Потому что ночной клуб расположен на цокольном этаже главного корпуса.

– Зачем твой папа построил скалу? Ему леса мало?

– Ты не понимаешь. Такие вещи привлекают клиентов.

– Ну-ну, – скептически промычал Митя.

Он взял дочь на руки, и они по лестнице поднялись наверх.

Бетонная плита площадки нависала над водой. Натали прошла меж пустых столиков и встала у перил, оглядывая водные просторы. Теплый ветер играл ее волосами и обтягивал сарафан на крутых бедрах.

– Красота! – провозгласила она.

Митя не стал подходить к краю. Он предпочитал держаться подальше от воды. Стоило ему встать на берегу, задержать взгляд на подернутом зыбью зеркале, как в голову вторгался образ бездны, скрытой под этой идиллией. Мысль о том, что он может случайно туда провалиться и остаться навсегда, во тьме и неизвестности, холодила сердце и сжимала ужасом горло… Страх перед водой обычно длился несколько секунд, потом уходил.

Ушел и сейчас.

Назад они возвращались вдоль северного берега через лес, и Митя слегка заблудился. Повернув у водонапорной башни, он надеялся выйти к главному корпусу, но дорожка уперлась в сетку-рабицу, по верху которой вились кольца колючей проволоки. За сеткой тускло поблескивали оцинкованные стены одноэтажного здания без окон и торчали горловины закопанных в землю цистерн.

– Что это? – спросила Натали.

– Похоже на комплекс водоснабжения.

Чуть дальше на сетке обнаружилась табличка:

«Станция водозабора и водоочистки.

ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН!

Ведется видеонаблюдение».

– Похоже, мы забрели не туда, Сусанин, – язвительно произнесла Натали. Ее хорошее настроение улетучилось.

Митя промолчал. Уставшая Маруся закапризничала, и он посадил ее себе на плечи.

После недолгих плутаний они услышали стук теннисного мяча и вышли к кортам, над которыми нависало коричнево-белое авангардное здание главного корпуса. Куда идти – теперь было ясно.

Экскурсия закончилась на центральном пляже. До обеда оставалась пара часов, и пляж был полон. Сразу несколько мужчин обратили внимание на Натали, и Митя ощутил тайную гордость. Он приобнял супругу за талию, дабы показать всем, что место занято.

Маруся плюхнулась в песок. Она набирала полные кулачки и, разжимая по одному пальцы, с любопытством разглядывала, как струйка желтой пыли рассыпается по ветру. Натали, закрыв глаза, подставила лицо солнцу. Митя попросил бармена налить пива. Обычно днем он не употреблял, но они ведь на отдыхе, не так ли?

– Отец примет нас завтра, – сказала Натали, не открывая глаз. – Сегодня у него какие-то важные дела, его нет в отеле.

Митя оторвался от бокала, вытер пену с губ.

– Мне обязательно с ним встречаться?

– Боишься?

– Нет, конечно.

Натали беззлобно рассмеялась. Открыла глаза, посмотрела на него.

– Боишься, – заключила она. – Не бойся, я с тобой. От тебя требуется поблагодарить его и не спорить. Остальное я беру на себя.

– Когда я спорил?

– Устала я от вашей холодной войны, если честно… Маруся!! Хорошие девочки не едят песок! Ну-ка плюнь! Плюнь, сказала! Тьфу!.. Дима, принеси нам пляжные полотенца. Я хочу позагорать до обеда.

Не выпуская бокала из рук, Митя поднялся к пляжной будке, где молодой паренек с проколотой пирсингом бровью выдал ему мягкую махровую стопку.

– Пожалуйста, Дмитрий.

Митя удивился.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Да как же… – смущенно улыбнулся паренек. – Вы нашему боссу родственниками приходитесь, разве нет? У вас статус ВИП, в листе прибытия особо отмечены. Супруга – Наталья. Дочь – Мария. Сегодня заехали, все должны знать.

Митя изумленно покачал головой. ВИП-статус! Вот это да. Этот старый змей Абрамов из кожи вон лез, чтобы они чувствовали себя обязанными. Хотя, с другой стороны, – что тут говорить, – попасть в категорию особо важных персон было приятно.

Будка, где выдавали полотенца, стояла на пригорке, и когда Митя повернулся к водохранилищу, оно открылось ему с неожиданного ракурса. Меж деревьев он увидел маленький залив, в котором стоял оранжево-синий катер. Рядом с бортом вздыбились брызги – крохотная черная фигурка ухнула спиной в воду.

Рядом с Митей пожилая женщина, закрывшись ладонью от солнца, тоже глядела в ту сторону. Она что-то спросила у мужа с отечными подглазинами. Тот вынул изо рта сигариллу и, беспечно махнув рукой, прохрипел:

– Пьянь какая-нибудь утонула. Здесь в деревнях полно пьяни.

В небе раздался стрекот. Обнимая стопку полотенец, Митя поднял глаза. Кроны деревьев загораживали небо, и вертолет было не видать. Однако хватило звука, чтобы к Мите вернулась тревога. Ему вспомнились серые мундиры, прочесывающие лес. А теперь еще катер и вертолет.

«Это не просто пьянь, – мысленно оппонировал Савичев хриплому курильщику. – Это что-то другое, посерьезнее».

Взгляд снова упал на водохранилище, и, несмотря на жару, Митя ощутил колючий озноб. Куда бы он ни отправился – в любой стране, на любом курорте, – ему вспоминался тот день из детства. Такое же солнце, жара, серебристая рябь на воде. Из похрипывающего радиоприемника разносится голос Валерия Сюткина, популярного в то время.

Это был день, когда Митя утонул.

* * *

А ранним утром того же дня неподалеку от деревни с рыбным названием Лещичево в надувной лодке рыбачили отец и сын Антоновы. Точнее, удочку закинул только папа, потому как его девятилетний сын все не мог насадить на крючок плотного, извивающегося в подушечках пальцев мотыля.

– Ну что же ты! – в который раз крякнул с досадой Антонов-старший, подаваясь к сыну. – Нужно вот так, под головку.

– Я его боюсь, папа! – заплакал сын.

– Бестолочь, – безнадежно махнул рукой отец. – Червяка боится. Весь в мать.

В этот момент оба увидели, как мимо лодки течение тащит непонятную груду, посреди которой что-то посверкивало на солнце. Именно желтый блеск заставил отца сняться с якоря и пересесть за весла, чтобы подплыть ближе. Подсачком, которым в начале лета он вытащил шестикилограммового язя, Антонов-старший подтянул к резиновому борту находку и в следующий миг завопил от ужаса, обнаружив под капроновой сеткой пальцы с маникюром и золотыми кольцами…

Через полтора часа пакет с человеческими останками привезли в морг Истринской центральной районной больницы. В том, что это была Даша Миронова, сомнений не оставалось.

К приезду Горюнова судмедэксперт подготовила первичное заключение. Смерть предположительно наступила от рваных ран, нанесенных неизвестным режущим предметом. Тело расчленено пополам в районе грудины. Отсутствует нижняя часть, а также правая рука. Повреждена шея, но лицо сохранилось. Вероятнее

всего, травмы нанесены винтом лодочного мотора. Умышленный характер не усматривается – преступники обычно расчленяют по-другому, руки отдельно, ноги отдельно, а тут…

Горюнов облегченно вздохнул. Слава богу, не маньяк.

Версия с лодочным мотором казалась ему правдоподобной. Хотя бензиновые двигатели на Истре запрещены – водохранилище снабжает питьевой водой всю столицу, – люди часто нарушают правила. Рыбаки, «белая кость», пьяная молодежь. Многие нарушают. Поэтому картина вырисовывалась следующая: девочка отправилась купаться и угодила под лодку ночных гонщиков. Убийство по неосторожности. Фактически несчастный случай.

– Есть одна странность, – сказала судмедэксперт Ольга Георгиевна, худая седовласая женщина, когда они курили на лестнице. – Я напишу в заключении, что время смерти наступило более двух суток назад.

– А разве не так? – поперхнулся дымом Горюнов.

– При сладкой парочке утопления с расчленением трудно утверждать определенно. Но у меня есть ощущение, что останкам не более 36 часов.

– Постойте, – сказал Горюнов. – Сегодня четырнадцатое, а Миронова пропала в ночь с десятого на одиннадцатое… – Он замолчал, загибая пальцы. Удивленно продолжил: – Вы хотите сказать, она была жива на протяжении первых суток поисков? Пока ее искала куча народу, она была жива?

– Не знаю, – покачала головой Ольга Георгиевна. – Я не настаиваю. Просто есть у меня такое ощущение.

Горюнов связался с угрозыском и распорядился проверить винты лодочных моторов по всей округе. Потом позвонил водолазам и попросил еще день пошарить на дне – может, отыщется другая часть тела. Хотя надежды было мало.

Выключив телефон, он крепко задумался.

Глава 2

15 июля, утро

Личные апартаменты, площадью четыреста квадратных метров, включая открытую террасу, Абрамов построил на вершине главного корпуса. Из панорамных окон пентхауза открывался захватывающий вид на три стороны света – на водный простор и окружавшие леса. Вид с высоты птичьего полета производил неизгладимое впечатление на всех знакомых. Заглядывая в окна и цокая языками, они говорили, что их загородные дома не идут ни в какое сравнение. Абрамов это прекрасно знал и втайне гордился.

Однако сейчас бывшему чиновнику московского правительства было не до красот и самолюбия. Сдавив сигару костяшками пальцев, он смотрел на судно МЧС, застывшее на входе в Исаковский залив, и ощущал тяжесть на сердце. Пропажа дочери Миронова не выходила из головы все последние дни – крошечный, казалось бы, инцидент мог навредить его бизнесу, которому после ухода из мэрии Абрамов посвятил все силы и время.

К шестидесяти годам, когда пик активности позади, а пенсия рядом, большинство людей мечтает построить домик у воды и жить в нем в тиши и комфорте. Абрамов построил себе замок, жил с большим комфортом да еще зарабатывал на этом.

В свое время ему удалось отхватить восемь гектаров сказочных земель на берегу Истринского водохранилища. Родственник в правительстве Московской области, небольшая мзда – и жирный кусок государственного заказника, где водился редкий вид лягушек и еще какая-то хрень, оказался в руках Сергея Викторовича. После смены московского градоначальника Абрамову грозила отставка, и он не стал держаться за место – путь отступления был давно продуман. За пару лет до этого он продал большую часть своих активов, нашел соинвестора и на истринской земле начал строительство отеля, который собирался сделать лидером подмосковного отдыха. За два года на высоком лесистом мысе выросли три изящных корпуса и восемнадцать стильных коттеджей – своеобразный подарок себе к выходу на пенсию.

Открытие 20 июля в прошлом году получилось шумным, гламурным и попало во все светские хроники. Первая партия отдыхающих была в полном восторге – от места, сервиса, фешенебельности. Абрамов трудился не покладая рук, и отель быстро стал популярным, принеся доход уже в первое лето.

Людям понравилось сюда приезжать. Сорок минут от МКАДа. Реликтовый лес, зеркало хрустальной воды, воздух, наполненный ароматами хвои и желтой смолы. Словно лекарь-колдун, они снимали усталость от мегаполиса. А если к природе добавить роскошные интерьеры, сервис и качественную еду – это будет то самое место, в котором хочется остаться навсегда. Подмосковная Швейцария – так окрестили отель пиарщики Абрамова.

Нынешний сезон, едва начавшись, приносил небывалую прибыль. Люди валом валили из душной столицы, и отель наполнялся под завязку даже в будни. Абрамов поднял и без того немаленькие цены, но число клиентов не уменьшалось, и он собирался поднять цены еще. Кроме того, в ближайший уик-энд Сергей Викторович планировал отметить годовщину открытия: подготовил шоу-программу, позвал эстрадных исполнителей и селебрити – в общем, собирался провести мероприятие с размахом. Цены в эти дни будут космическими, но вряд ли это кого-нибудь отпугнет. Посещение Istra Park превратилось в модное и престижное времяпрепровождение, и Абрамов собирался поддерживать этот имидж всеми силами.

И только инцидент с дочерью Миронова мог все испортить.

Абрамов затянулся сигарой и перевел взгляд на черепичные крыши, краснеющие за елями. Поселок и отель имели общий забор, так что девчонка пропала, можно сказать, возле отеля. Чтобы быть в курсе расследования, Абрамов заплатил оперативнику из состава розыскной группы, и вчера тот сообщил, что жертва нашлась. Прижимая трубку к вспотевшему уху, Абрамов слушал жуткие подробности, от которых волосы вставали дыбом.

Эта смерть могла повредить образу тихого респектабельного курорта, который он старательно выстраивал. Его не утешало, что смерть могла оказаться случайной, что девушка просто угодила под лодочный винт. Упоминание отеля в криминальной хронике сведет на нет все усилия по раскрутке. «Рядом с Istra Park найдена расчлененная дочь вице-президента металлургического холдинга» – каково? Сразу пойдут звонки, неудобные вопросы, отказы от договоренностей. А сарафанное радио, создавшее отелю положительный имидж, запустится в

обратную сторону: «Слышал, что случилось около Istra Park? Неужели находятся сумасшедшие, которые там отдыхают?»

Несмотря на то, что Абрамов ожидал приезда своей дочери, ему пришлось заниматься дочерью Миронова. Он связался с папой, которого неплохо знал – металлург обожал стейки из австралийского мраморного мяса, которые готовили в ресторане отеля. Абрамов выразил соболезнования и деликатно прозондировал почву на предмет освещения трагедии, после чего отправился в Истру. Действуя от имени безутешного отца, он устроил все так, чтобы информация о шокирующей находке не попала в прессу. В пресс-центре УВД ему пообещали: газетчикам передадут лишь короткое сообщение, что десятого июля при невыясненных обстоятельствах погибла Дарья Миронова, без уточнения, чьей дочерью она является. Абрамова это устроило.

Правда, случилась накладка. Кто-то из полицейских слил историю молодому корреспонденту местной газеты, и тот быстро накатал статью. Абрамову повезло: редактора газеты смутила фамилия металлурга (редактор отчего-то подумал, что речь идет о другой, еще более влиятельной персоне), и он позвонил в УВД уточнить информацию. В результате молодого корреспондента навестил опер Абрамова и попросил отозвать материал. Попросил по-хорошему, без хамства и грубости. И получил в ответ заявление.

Скрестив руки на груди и задрав подбородок, журналистишка запустил спич о свободной прессе, не обязанной подчиняться властям. Однако опер оказался калачом тертым и предложил идеалисту выбор: продолжать купаться в лучах свободы или быть обвиненным в препятствии расследованию особо тяжкого преступления. В итоге либеральные ценности оказались не столь ценны, и публикация не состоялась.

В отель Абрамов вчера вернулся поздним вечером, а сегодня утром собрал на пятиминутку руководителей служб для выяснения обстановки в коллективе.

Оказалось, что о пропавшей девушке судачат с первого дня, причем примешивают к ее исчезновению разную мистику. У Абрамова, не выносившего ни религии, ни чертовщины, сводило зубы от раздражения. К тому же еще выяснилось, что вчерашняя находка возле гидроузла уже не секрет для персонала.

Все это разозлило бывшего чиновника.

– Значит, так! – Он люто, по-звериному вглядывался в побледневшие лица. – Все разговоры прекратить! Узнаю, что кто-то треплется, – уволю к чертовой бабушке. Всем передайте. Далее. Клиентам ни слова.

– Спрашивают, Сергей Викторович, – подал голос начальник службы портье. – Катер МЧС. Вертолет. Полиция. Все ж видят…

– Отвечайте – не в курсе, не знаем. Самых активных направляйте ко мне.

– Может, все-таки стоит предупредить клиентов о возможной угрозе? – осторожно спросил начальник службы безопасности Леонтьев.

– Каждую минуту кого-то насилуют, грабят, убивают. Но к нам люди приезжают отдыхать. Наша задача – оградить клиентов от негатива и позволить наслаждаться отдыхом. Не происходит ничего необычного. Ну, утонул кто-то – зачем об этом знать клиентам? Катер и полиция скоро уйдут. Работаем в обычном режиме. А те, кто будет распускать язык, заработают неприятности. Вы меня знаете. Свободны.

Когда все разошлись, Абрамов достал из коробки сигару, встал у окна и закурил, приводя в порядок мысли. История была очень некстати еще и потому, что у него наклевывалась важная финансовая сделка. Соинвестору, с которым они совместно владели отелем, срочно понадобились деньги, и он предложил выкупить свою долю. Предложение было заманчивым. Оно обещало сделать Абрамова единоличным владельцем сверхдоходного предприятия.

«Все будет хорошо, – сказал он себе. – Все будет как надо».

На столе запиликал селектор. Абрамов отошел от окна и тронул кнопку.

– Сергей Викторович, – проворковала администратор, – ваша дочь с семьей.

– Пусть поднимаются.

Натали привезла внучку. Может, общение с ней позволит расслабиться. Он постарался переключиться на позитив. Размял мышцы лица, тренируя улыбку доброго дедушки.

* * *

Весь вчерашний день и сегодняшнее утро Митя думал о предстоящей встрече с Абрамовым. Поднимаясь на лифте на последний этаж главного корпуса, он нервно грыз ноготь.

– Не волнуйся, – сказала Натали. – Говорить буду я. Все будет хорошо. Я уверена, что война между вами закончена… Не грызи, Митя!

Абрамов, одетый в деловой костюм, встретил их у лифта. Тепло обнял Натали. Взял на руки внучку, блеснув часами за пятьдесят штук баксов.

– Какие мы взрослые! – произнес он банальность дедушек и бабушек, редко общающихся со своими внуками.

– Мы уже сами кушаем и ходим на горшок, – гордо объявила Натали. – Готовимся к садику.

– Молодцы какие… У-тю-тю!..

Жесткие узловатые пальцы Абрамова воткнулись в нежный детский бочок. Девочка вздрогнула. Посмотрела на деда недоверчиво, исподлобья.

– Поселились удачно? Проблем не возникло?

– Да-да, все в порядке. Администратор о нас очень заботилась.

– Естественно… – хмыкнул Абрамов. – Как вам отель?

– Отель просто супер! Место сказочное!

– Коттедж?

– Коттедж тоже. Просто слов нет.

– Я велел супервайзеру каждый день ставить свежие букеты.

– Папа, это лишнее.

– Не каждый же день приезжают такие красавицы!

Он снова попытался пощекотать Марусю. Та, извиваясь всем телом, попыталась избежать дедушкиной «ласки». Тоскливо поглядела на мать и приготовилась заплакать. Митя видел, что девочке неприятен чужой дядя, для которого финансы куда родственнее внуков, но ничего не мог поделать.

Абрамов провел их в гостиную. Они расположились на большом кожаном диване. Мария тут же ускользнула от дедушки и стала ползать по подушкам, изучая географию нового объекта. Митя задрал голову, оглядывая высоченные потолки.

– Вау-у! – воскликнула Натали, застыв у окна. – Вот это панорама! Будто паришь над лесом!

– Я добивался такого эффекта, – не без гордости заметил Абрамов. – Угрохал кучу денег.

– Волшебно… Где мама?

– Скоро вернется. Уехала за игрушками для Марии.

– Вообще-то мы привезли целую сумку.

– В отеле есть детская комната. Но мы решили, что у Марии должны быть свои игрушки, отдельные.

Митя сидел на другом конце дивана и улыбался глупой улыбкой, будто тоже был рад встрече, хотя в душе чувствовал себя скверно.

– Долго добирались? – спросил Абрамов.

– На выезде с МКАДа попали в пробку. Едва не умерли от жары.

– Разве у вас нет кондиционера в машине? – нахмурил тесть тяжелые брови.

Митя напрягся.

– С кондиционером что-то случилось в дороге. – Натали обезоруживающе улыбнулась отцу. – Не выдержал жары, шведская железяка.

– Наверное, закончился фреон. Отгоните машину в мой гараж, механик посмотрит. – Бесцветные глаза повернулись к Мите. – Отгони машину в гараж, Дмитрий. Это за корпусом. Скажи механику, чтобы посмотрел.

– Спасибо, – выдавил из себя Митя. Неужели Натали права? Неужели в их отношениях наступила оттепель?

– Отдыхайте, ни о чем не думайте, – продолжал Абрамов. – Все в вашем распоряжении: ночной клуб, ресторан, spa. Все бесплатно. Особенно советую посетить ресторан. Шеф-повар готовит отличных омаров. Мои друзья, у которых недвижимость на Истре, специально приезжают отведать омаров от моего шеф-повара.

– Мы очень благодарны вам за приглашение! – выпалил Митя и в следующий миг понял, что выразил вчерашнюю просьбу жены катастрофически фальшиво.

Неискренность заметил не только он, и под высокими потолками пентхауза повисло неловкое молчание, нарушаемое лишь тихим шуршанием кондиционера.

– В самом деле, – подала голос Натали. – Митя прав. Папа, спасибо тебе огромное. Я так рада, что Маруся наконец узнает поближе бабушку с дедушкой.

– На здоровье, – ответил Абрамов и улыбнулся дочери. – Спасибо, что приехали. А то совсем забыли.

Это было невероятно! Митя почувствовал, что отношения между Савичевыми и Абрамовыми буквально на глазах восстанавливаются и наполняются

родственной теплотой. Мир вдруг стал светлее, подушки дивана мягче, хвоя за окном зеленее. Ему стало так хорошо, так уютно в этом просторном зале, из которого видно половину Московской области, что он разомлел и потерял бдительность.

Он вовсе не хотел наступать тестю на больную мозоль. Наоборот, собирался поддержать разговор отца и дочери, нащупать новые темы. Но получилось с точностью до наоборот.

– А что тут у вас произошло? – спросил Митя. – По дороге сюда я видел милицию в лесу.

От невинного, казалось бы, вопроса лицо Сергея Викторовича перекосило, словно у него схватило зуб. Еще секунду назад оно излучало гостеприимство и доброжелательность, но теперь от них не осталось и следа.

– Что? – глухо спросил Абрамов.

– То есть их сейчас называют полицией, – продолжил Митя без особой уверенности. Он почувствовал, что сделал что-то не так, но не мог понять, что именно, и продолжал: – И еще катер с водолазами у берега. И вертолет. Кто-то потерялся?

– А где была полиция? – удивилась Натали. – Я не видела. Папа, что случилось? Почему полиция?

– Это ерунда, – махнул рукой Абрамов, при этом лицо у него сделалось пунцовым, словно хозяина отеля вот-вот хватит апоплексический удар.

– Нет, папа, ну правда! – не унималась Натали. – Что произошло?

– ЭТО Е-РУН-ДА!!! – неожиданно закричал Абрамов.

Натали изумленно замолчала. Маруся, теребившая кисточку у диванной подушки, испуганно обернулась на дедушку. Митя уже понял, что из всех неправильных вещей, которые он мог сделать, он неосознанно выбрал самую худшую.

Абрамов обвел их бешеным взглядом, втянул ноздрями воздух.

– Забудьте об этом. Это вас не касается. Что бы ни произошло снаружи, вас это не должно волновать. У нас совершенно безопасно. Трехметровый забор, видеонаблюдение, охрана. Посторонним на территорию не попасть… Не заморачивайтесь проблемами, которые вас не касаются. Отдыхайте, кушайте, развлекайтесь, смотрите анимацию.

Натали безмолвно глядела на отца: на его бегающие глаза, кривящиеся от гнева губы. Митя сконфуженно уставился на свои коленки. К нему тихонько подползла Маруся и ткнулась под ребра теплым лобиком.

Положение спас заигравший у Абрамова телефон.

– Не будем тебе мешать, – сказала Натали, спешно поднимаясь. – Встретимся, когда мама приедет?

– Да, – растерянно ответил Абрамов. – Встретимся за ужином.

Савичевы быстро очутились на улице, где Натали набросилась на Митю:

– Ты вел себя, как осел!

– Откуда я знал, что он взбесится?

– Что там случилось в лесу?

– Я тоже хочу знать.

Натали недовольно покачала головой.

– Не лезь в местные дела. Мы сюда приехали отдыхать, а не грузиться чужими проблемами.

– Я что, против? Спросил просто.

Глава 3

После встречи с Абрамовым супруги Савичевы с головой окунулись в пятизвездочный отдых. Жара не унималась, и весь день они проводили у воды, выбираясь с пляжа лишь на прием пищи и сон. Натали посмуглела, словно после Египта. Митя сгорел, что из-за светлой кожи с ним случалось всегда. Маруся училась плавать. В надувных нарукавниках с изображением героев Диснея, вместе с другими детьми она барахталась в «лягушатнике», радостно хихикая, и протестующе вопила, когда Митя вытаскивал ее из воды.

С тестем Митя пересекался дважды, но не разговаривал, чему был несказанно рад. Зато механик из гаража починил кондиционер в машине – подтянул гайки, заправил фреон, так что теперь Volvo мог участвовать хоть в Camel Trophy.

Катер МЧС, который Митя видел в первый день, больше не появлялся. Он то ли ушел вниз по течению, то ли выполнил свою задачу и ушел совсем. В бухте, где он раньше стоял, теперь катались отдыхающие на катамаранах. Вертолет тоже не давал о себе знать, и Митя забыл об этих странностях. Солнце, песок и бесплатный «Будвайзер» тому очень способствовали.

16 июля около шести часов вечера, оставив Марусю на попечение отельной няньки, Натали собралась на ужин с ведущим Первого канала, заехавшим отведать жареных лобстеров. Весь день она с нетерпением ждала этой встречи: вместе с матерью мерила платья, делала прическу и педикюр.

Митя весь день колебался.

Абрамов приглашал их обоих, и по правилам хорошего тона мужу следовало сопровождать супругу на званом ужине – все-таки они семья. Однако ему не хотелось туда идти. Савичев знал, что будет косноязычен и неловок за столом со знаменитостью. Но еще хуже, что на ужине будет сам Абрамов. Придется слушать его скабрезные шутки и рассказы о влиятельных друзьях. Учитывая, в каком состоянии находились его собственные дела, Митя вряд ли это выдержит.

В общем, он решил не ходить. Из-за этого они поссорились с Натали.

– Ты хочешь, чтобы я тоже не пошла? – заявила она, яростно сверкая глазами на посмуглевшем лице.

Митя промолчал. Ему действительно этого хотелось.

– Мы и так никуда не ходим! Заперлись в четырех стенах!

– Я тебя не держу. Иди без меня.

Натали фыркнула.

– Иди! А что я скажу отцу? Почему из-за твоего эгоизма я не могу встретиться с известной персоной?!

– Скажи, у меня проблемы на работе. Нужно решать. Не до ужинов.

Она состроила кривую улыбку и ушла.

На общий ужин Митя тоже не пошел. В ресторане он мог столкнуться с Абрамовым, который пристанет с вопросами, почему зять оставил его дочь одну и все такое. Решив вообще держаться подальше от главного корпуса, Митя спустился на пляж. Если бы он знал, какими последствиями это для него обернется, он преодолел бы робость и пошел с Натали. Но случилось то, что случилось, и ничего нельзя было исправить…

На пляже Митя устроился на привычном месте, напротив отельного причала, куда после пяти вечера наползала тень от деревьев и где было не так жарко. Опустив спинку шезлонга, он растянулся во всю длину, установил на груди электронный ридер и, придерживая его двумя пальцами, погрузился в перипетии старенького ужастика Стивена Кинга про взбесившегося сенбернара.

Около семи вечера, когда народ потянулся на ужин и пляж опустел, Митя решил окунуться. При людях он смущался демонстрировать свое мастерство плавания, но сейчас некому было смотреть. Митя сложил на шезлонге одежду, бросил сверху ридер (администраторы уверяли, что в отеле не бывает краж) и спустился к воде.

От Истры тянуло прохладой. Сквозь колышущуюся пленку виднелось песчаное дно с редкими камнями. Ступив на влажную полосу возле уреза воды, он ощутил привычную дрожь в груди. Чтобы ее перебороть, мама обучила Митю нехитрому ритуалу, который он и проделал – вошел в воду по колено и окатил плечи прохладными горстями.

В небе лениво перекрикивались чайки, далеко ниже по течению играла музыка. Митя вошел сначала по пояс, потом по грудь, рассекая торсом теплые и холодные слои. Вода освежала, бодрила. А еще она вызывала страх, облизывающий сердце холодком, но Митя давно смирился с компанией навязчивого спутника. Детский психиатр помог.

Войдя по шею, он сменил курс и пошел вдоль берега, разгребая воду руками, словно ребенок, изображающий плавание. Песчаное дно мягко пружинило под ступнями. Контакт был надежным. Глубже Митя не заходил. Никогда, с того памятного дня в детстве. Вообразить, что дно может исчезнуть, было для него невыносимо. А на мелководье он чувствовал себя в безопасности, здесь его купание было не страшнее мытья в ванной.

На пляже кое-где оставались люди. Далеко в конце песчаной полосы белели спины – судя по отсутствию загара, в отеле недавно. На причале, возле которого «плавал» Митя, лежали две смуглые женщины. На спортивной площадке стучал волейбольный мяч – четверку поджарых молодых людей ужин интересовал куда меньше, чем счет в партии. Мяч ударялся о руки размеренно, словно метроном. Под усыпляющий ритм окружающая действительность погружалась в сладкую предвечернюю дрему…

Плеск за спиной был неожиданным и громким, словно в воду бросили кирпич.

Митя вздрогнул, покрылся мурашками. Ступни судорожно впились в дно, боясь его потерять. Глаза растерянно забегали по поверхности. Что это? Где плеснулось?

Неподалеку от причала, за ограждающими зону купания поплавками, расходились широкие круги.

У Савичева защемило сердце. Солнце вдруг стало особенно жарким. Звучащая вдалеке песня обернулась «Дорогой в облаках». В ушах раздалось мокрое

чмоканье. И следом – чьи-то пальцы хватают его за щиколотку и тащат на глубину…

Он не заметил, как очутился на берегу.

Вода ручьями лилась на песок с плеч и мокрых волос. Добравшись до шезлонга, трясущимися руками он нашел среди вещей полотенце, отер лицо и беспокойно оглядел прибрежную зону.

Деревянная полоса причала делила ее на две части. Большую занимала зона купания, в меньшей устроилась живописная заводь, заросшая ряской и кувшинками. Но всплеск случился не в ней. Плеснулось за оградой из поплавков. Хотя сейчас, спустя время, Митя сомневался в том, что видел и слышал. Круги разошлись. Поплавки перестали качаться. Вода с причмокиванием целовала борта лодок и сваи причала.

На другом конце пляжа рассыпался девичий смех. Безмятежно стучал мяч на волейбольной площадке. И только одна из женщин, лежавших на пирсе, подняла голову. Взгляд темных глаз пробежал по воде, пляжу, задержался на фигуре Савичева. Его присутствие каким-то образом все объяснило, и женщина вернула голову на лежак.

Что это было?

Разум Мити не мог подобрать объяснения. Ни один из плавниковых обитателей водоема не способен издать столь шумный плеск. Человек? Но человека Митя заметил бы. Обычного пловца точно, а аквалангист выдал бы себя торчащей из воды трубкой или пузырями.

КТО ЭТО БЫЛ?!!

Однажды в Подмосковье Митя наткнулся на глухой участок реки, облюбованный бобрами. Они строили запруды, сноровисто плавали и хлопали по воде плоскими хвостами, подавая сородичам сигналы тревоги, если рядом появлялись люди. Удары выходили звонкими, будто кто-то швырял в воду булыжники. Те звуки были похожи на плеск, что слышал Митя. Только откуда здесь бобры? Как и многие дикие животные, они не селились рядом с человеком.

– Черт, – сказал он негромко.

Скорее всего, ему показалось. Это самое логичное объяснение. Перегрелся на солнышке и полез в воду. Резкий переход из жары в холод вызвал спазм сосудов и легкую галлюцинацию.

«Не было никакого плеска», – сказал себе Митя.

Больше никто не видел, не слышал. Только женщина на причале. Но ее внимание мог привлечь сам Митя, когда выбирался из воды с безумием антилопы, обнаружившей крокодила на водопое.

Простое объяснение успокоило встревоженный разум. Однако сердце почему-то не отпускало. Он чувствовал странное напряжение, разлитое в душном вечернем воздухе. Словно что-то должно было произойти. Что-то плохое.

* * *

Две женщины, загоравшие на причале, были матерью и дочерью. Елизавета Бевенис и пятнадцатилетняя Марина отдыхали в Istra Park за счет крупного универсама, где работала мама. Двухкомнатный люкс оплатил директор магазина, таким образом отблагодарив свою заместительницу за удачную реализацию крупной партии просроченного детского питания. Из-за глупости и невнимательности менеджера по закупкам партию бы пришлось выбросить на свалку, а так универсам еще и заработал.

Елизавета Бевенис, которая растила дочь одна, без мужа, была рада вытащить на свежий воздух свою домоседку, не интересовавшуюся ничем, кроме интернет-блогов и компьютерных игр. Мама очень надеялась, что в отеле Марина найдет себе компанию – подружку или мальчика из хорошей семьи. Пока надежды не оправдывались. Марина сторонилась развлечений и проводила время на пляже или в номере исключительно в обществе айфона последнего поколения.

Внимание женщины привлек не плеск, как подумал Митя, а неожиданный толчок, потрясший причал. Мореные доски, на которых лежали пляжные матрасы, вздрогнули. Привязанные к причалу лодки стукнулись бортами. И лишь

затем Елизавета Бевенис услышала шумное «бултых!».

Замдиректора универсама подняла голову, оглядывая воду и берег, но не увидела ничего подозрительного. Лишь молодого мужчину, который стремительно выскочил из воды и застыл на берегу в напряженной позе. Елизавета решила, что он задел одну из лодок во время купания. Может, ушибся при этом, отчего сразу выскочил на берег. Это все объясняло.

Она опустила затылок на подголовник.

– Завтра турнир по крокету, – сказала она дочери, смежив веки. – На лужайке у спортивного корпуса. Я тебя записала.

Марина вытащила из уха белую таблетку ай-фона и, выпучив глаза, удивленно посмотрела на мать.

– Куда ты меня записала?

– Крокет. Игра такая. Бить деревянным молотком по шарам.

– Я не играла никогда.

– Попробуй. Там будут и молодые ребята.

– Спасибо, я не пойду.

– Почему?

– Не хочется. К тому же, как ты знаешь, я и физкультура не очень ладим.

Елизавета Бевенис задумалась.

– Тогда сходи вечером на дискотеку.

– Не хочу.

– Почему?

– Я там никого не знаю. Я буду чувствовать себя круглой дурой.

– Хочешь, я с тобой пойду?

– Ну да. С мамой на дискотеку. Супер!..

– Марина…

– Ма, я понимаю, ты во что бы то ни стало хочешь найти мне компанию. Пожалуйста, не надо. Я сама во всем разберусь.

– Мариночка, доченька, мы в таком чудесном месте. Здесь море развлечений, а ты сидишь в номере.

– Мне нравится быть одной.

– Но ведь можно совсем остаться одной! Неужели ты хочешь превратиться в… – Она не договорила, поняв, что ступила на тонкий лед. Но Марина все поняла.

Девушка села на матрасе. Отвернула голову от матери, делая вид, что разглядывает другой берег.

– Ты хотела сказать, что я хочу превратиться в старую деву?

– Нет. Вовсе нет. Я просто хотела сказать, что тебе нужно быть посмелее…

Марина встала, сунула айфон в водонепроницаемый чехол, повесила на шею. Удобная штука этот чехол. Можно не беспокоиться, что у тебя вытащат телефон из одежды, пока ты плаваешь. Хотя мама утверждала, что в отеле краж не бывает – администрация строго за этим следит, – но Марина все равно побаивалась оставлять без присмотра электронного любимца.

– Куда ты? – спросила мама.

– Искупаюсь.

– Марина, ты обиделась?

– Нет, – ответила дочь, направляясь к спуску с причала.

Елизавета Бевенис с болью поглядела на сгорбленную фигурку дочери. Как несправедливо! Все, что она делала в своей жизни, было ради этой девочки. Даже просроченные йогурты и пюре она сбывала не ради квартальной премии, а ради Марины. Елизавета Бевенис ничего не оставляла для себя. Она жила ради дочери, но та не ценила ее усилий.

Сойдя на берег, Марина оставила шлепанцы на песке и стала медленно заходить в воду, привыкая к холодным уколам. Волейболисты дружно вскрикнули, празднуя выигранную подачу. Она посмотрела на них с досадой. Среди игроков была девушка – загорелая, плечистая, уверенная. Марина ей завидовала. Она мечтала оказаться среди этих ребят, и, наверное, это желание не было невозможным. Кто-нибудь другой, попроще и посмелее, подошел бы и попросился в игру. Но Марина не могла. Она стеснялась.

Ей, конечно, совсем не нравилось тосковать вечерами в номере, когда отель бурлил развлечениями, особенно ночными. Но признаться в этом матери было выше ее сил. А Марине очень хотелось с кем-нибудь познакомиться. Ей нравился один мальчик, с которым она встречалась на пляже и в ресторане. Однажды он ей даже улыбнулся, но этим все и ограничилось. Мама наверняка сказала бы, что ей нужно самой проявить инициативу, но Марина ни за что бы не решилась подойти к мальчику. Она мечтала, чтобы он подошел сам. Только этого почему-то не происходило.

Она грустно вздохнула.

Вода достигла живота. Марина еще раз проверила, надежно ли запечатан айфон в чехле, легла грудью на воду и поплыла. Она плыла медленно, никуда не спеша – на ужин они с мамой ходили в числе последних.

Массивный конец пирса, опирающийся на деревянные сваи, медленно проплыл мимо нее, и перед Мариной открылась небольшая заводь под обрывистым берегом. Кусочек природы, не тронутый ландшафтными дизайнерами. Она редко

сюда заплывала – из-за обилия водорослей плавать здесь было затруднительно. Однако после разговора с мамой девушке захотелось новых впечатлений.

Среди влажной зелени что-то белело, похожее на выброшенную бумажку. Марина близоруко сощурилась. Сделала несколько гребков, подплывая ближе.

Сквозь воду и зелень пробивался очаровательный цветок с нежно-белыми лепестками и горящим желтком в центре.

Белая кувшинка! Вот бы сорвать!

Кувшинка украсила бы волосы цветком, и тот симпатичный мальчик подошел бы к ней с вопросом, где она раздобыла такое чудо.

* * *

Стоя возле шезлонга, Митя наблюдал за плывущей девушкой. На просторном пляже она была единственной, кто находился в воде. И биолог, сам не понимая почему, ощутил смутную тревогу.

Девушка заплыла за причал, пропав из вида. Через несколько секунд он увидел ее с другой стороны, осторожными мелкими гребками подбирающуюся к заводи, которая заросла ряской и кувшинками. Около нее девушка замерла ненадолго. Затем, угловато двигая руками, поплыла в глубь зеленого лабиринта.

Пытаясь разобрать, что ей там понадобилось, Митя незаметно для себя зашагал в том направлении. Пляж остался позади. Песок под ногами сменился землей, которая стала подниматься вверх – пляж упирался в основание лесистого пригорка, нависавшего над заводью. Но Митя не стал на него взбираться – он все увидел и так.

В глубине заводи белела Nymphaea candida, снежно-белая кувшинка, настоящая редкость. Савичев облегченно выдохнул. Вот за чем сюда отправилась юная пловчиха. А он подумал невесть что…

Под причалом вдруг что-то плеснулось, фыркнуло.

Митя вздрогнул и отшатнулся от водоема. Под ногу попала ямка, и Савичев, оступившись, грохнулся спиной на траву.

Над головой качались сосновые ветви. Ноги дрожали, сердце оглушительно стучало в ушах, а в такт ему билась мысль: не может быть! Не может быть!

Загадочный плеск не был галлюцинацией. Он был реален.

* * *

Марина, завороженная озерным цветком, не обратила внимания на странный звук, раздавшийся в десятке метров у нее за спиной. Она плыла к кувшинке между островками зелени, и все ее мысли занимало, как добраться до прекрасной добычи.

Тина и речные водоросли пугали девушку с малых лет. Холодные и скользкие, они навеивали ассоциации с пальцами и волосами утопленников. Если бы она поплыла напрямик, ей пришлось бы раздвигать мерзкую зелень ладонями. При этом стебли будут скользить по животу, обвиваться вокруг бедер, забираться под волосы… Брррр! Поэтому девушка выбирала путь длинный и извилистый, позволяющий избегать неприятных контактов.

Кувшинка заманчиво белела в окружении влажной зелени, и Марина почти до нее добралась. Она встала на мягкое илистое дно. Одной рукой отвела пучок хвоща, выпростала вперед другую. Кончики пальцев тронули нежный бархат лепестков. Какая прелесть! На лице Марины расцвела улыбка. Она сорвала цветок и наклонила к бутону тонкий нос с горбинкой, вдыхая сладковатый аромат…

То, что случилось дальше, было невероятно далеким от экскурсии по райскому саду.

Сначала легкое колыхание пощекотало поясницу. Девушка удивилась подводным течениям в столь тихом месте, но не испугалась. Что может с ней случиться у пляжа большого отеля? Однако стоило возникнуть этому вопросу, как резкий удар подсек ее худые стопы, стоявшие на скользком дне.

Издав пронзительный крик, Марина стремительно ушла под воду.

На правую лодыжку что-то навалилось, потянув на глубину. Не понимая, что происходит, девушка беспомощно барахталась в холодной полутьме, а ненавистные водоросли обвивали ее, щекотали спину, змеились в волосах, тыкались в глаза и губы.

Что-то больно чиркнуло по бедру. Рассекло кожу и срезало резинку купальных трусиков. Марина почувствовала, как они спали с бедер, обнажив девичью тайну. Внизу живота собрался волнительный ком – даже в этой ситуации она испытала стыд. Девушка отчаянно замолотила руками и ногами во все стороны, пытаясь вырваться из неведомой хватки. Закричала под водой, выпустив изо рта клуб пузырей, еще раз лягнулась пяткой…

* * *

Отчаянный крик взорвал предвечернюю тишину. Взлетел в небо и захлебнулся. Обернувшись, Митя увидел брызги над водой в том месте, где плавала девушка. Поднимаясь с земли, он упустил момент, как она исчезла из виду.

Вода в центре заводи бурлила и шла пеной, а внизу происходило непонятное барахтанье. О том, что там происходило, нужно думать после. Сейчас важно одно: девушке требуется помощь. А помочь мог только он – ближе просто никого не было.

На дрожащих ногах он подбежал к воде, ступил на зыбкую кочку и… замер на ней, вцепившись в траву. Ему оставалось прыгнуть в воду. Глубина около метра, не утонешь. Главное – ухватить утопающую за шевелюру. Он где-то читал, что тонущих вытаскивают за волосы, потому что с других частей тела пальцы соскальзывают. В общем, нужно только прыгнуть в воду. Всего лишь.

Но он не мог. Ноги словно приросли к берегу.

В ушах стояли плеск и фырканье, раздавшиеся у причала. Все, что мог Митя, – это цепляться за траву и бессильно наблюдать за происходящим в заводи. Он не мог заставить себя сдвинуться даже на несчастный сантиметр. Беспомощное оцепенение охватило его от головы до кончиков пальцев ног.

Девушка вдруг вынырнула без посторонней помощи. Блестящая голова показалась среди пены и кувшинок. На покрытом водяной пленкой лице распахнулись три отверстия – глаза и рот. Пальцы судорожно вцепились в водоросли, и Митя понял этот жест – девушка ни за что на свете не хотела вернуться обратно – туда, где не было воздуха.

– По-м-могиииите-е-е-е! – просипела она, уставившись на Митю полными ужаса глазами.

Митя прижался спиной к обрыву. Он хотел ей помочь. Очень хотел. Только как это сделать, когда страх сковывает волю, а берег притягивает, как магнит?

Вскоре девушка потеряла его из виду. Пыжась изо всех сил, она тянула зеленые пучки, подтаскивая себя к берегу. Ей было невероятно трудно, бурые водоросли веревками оплетали бока, ноги тонули в мягком иле, но она упорно рвалась на сушу, словно там была жизнь, а в заводи – смерть.

На какой-то миг вода обнажила молочные бедра, и Митя увидел на правом длинную царапину и сочившуюся кровь.

– Марина! Мариночка! Боже мой! – заголосила женщина с причала. Она вскочила на ноги и стала метаться вдоль лодок. – Помогите ей! Эй, мужчина, что вы застыли! Помогите моей дочери!! ПОМОГИТЕЕЕЕ-Е!!!!..

Ее вопли превратились в истеричный визг.

Вода позади девушки бурно вспенилась. И потрясенный Митя увидел, как из глубины поднялась большая тень.

* * *

Ненавистные водоросли окружали Марину Бевенис со всех сторон. Но куда страшнее было то, что находилось у нее за спиной. Неведомый ужас, восставший из глубин. Водное божество, неистовое и беспощадное.

Ей удалось от него сбежать, угодив куда-то пяткой, после чего существо ослабило хватку. Теперь, цепляясь за стебли кувшинок, она пыталась выбраться на берег. Водяные заросли стояли стеной, ноги не слушались, тело била крупная дрожь, но все это она могла превозмочь. Ей только очутиться на берегу, только ступить на твердую землю, где у страшного духа нет власти.

Только там она могла спастись.

Перед глазами закачались ивовые ветви. Марина не поверила, увидев их перед собой. Неужели берег? Неужели спасение? За ветви можно ухватиться и вытащить себя из воды – они крепче водорослей. Она уже представляла, как мама радостно обнимает ее на причале, как утирает ей слезы и утешает тихими и ласковыми словами…

Окружавшая Марину осклизлая зелень вдруг раздвинулась. Белые покойничьи руки высунулись из нее и, обхватив девушку поперек живота, потащили вниз. Сила агрессора была такова, что в кулаках у Марины остались вырванные пучки зелени.

Полутьма и холод окружили вновь. Марину перевернуло вниз головой, но в этот раз в легких не было воздуха. Девушка открыла рот, и через секунду туловище содрогнулось от конвульсий.

Когда неведомая сила волокла ее на глубину, сердце девушки еще билось.

* * *

Митя видел, как большая тень, шевельнув камыши, придвинулась к купальщице. Рывок – и та скрылась среди клочьев пены и листьев кувшинок. Словно ее никогда не было. Только вырванные водоросли, за которые она хваталась, качались на поверхности.

– Марина! – голосила женщина на причале. – Марина! Мариночка!! Где моя девочка? Где она?!!

Женщина кричала в никуда, но оглушенный и потрясенный Митя отчего-то думал, что вопрос адресован ему. Он собирался ей ответить, но так и застыл с

открытым ртом. У него не было разумного объяснения ни для себя, ни для женщины. Ее дочь утащило под воду нечто немыслимое. У Мити был шанс спасти несчастную, но он его не использовал.

Он испугался.

До смерти испугался чудовища, в далеком детстве едва не утащившего его самого на дно реки.

Глава 4

Вечер, 16 июля

Следователь Горюнов поднялся на мореные доски причала, чтобы не набрать в туфли пляжного песка. С причала прекрасно обозревалась заводь и прилегающий берег, по которому в поисках вещдоков ползали опера и криминалисты. Обрыв был крутым: фотограф, снимавший место происшествия, провалился в зеленую жижу и до колен намочил форменные брюки.

От закрытой соснами танцплощадки доносился усиленный микрофоном голос ведущего вперемешку с музыкой и коллективным смехом. Шли какие-то конкурсы. Клиенты подмосковного Версаля не знали о происшествии. Появление полиции хозяин отеля не афишировал – Горюнова и его группу привели сюда не по центральной дороге, а лесными тропами, объяснив, что так короче. Горюнов не возражал. Место происшествия лучше изучать в спокойной обстановке. А ему требовалось осмыслить, что за чертовщина творится на Истринском водохранилище.

Об исчезновении девушки в Istra Park Горюнов узнал, собираясь домой. Жена приготовила на ужин голубцы и несколько раз звонила, угрожающе шипя в трубку, что если он сейчас же не явится, они остынут. Он убрал документы в сейф и запер кабинет, когда запиликал мобильник. Услышав в трубке одышку начальника угрозыска Шарафутдинова, Горюнов вдруг понял, о чем пойдет речь.

– Все из рук вон плохо, – сказал руководитель сыскарей. – Только что позвонили на пульт дежурного. Опять девушка. На том же берегу. Почти в том же месте.

Горюнов понял, что о голубцах можно забыть.

После того как нашли останки дочери Миронова, ее дело считалось раскрытым. Смерть от винта моторной лодки – такая версия объясняла как исчезновение, так и жуткие увечья. Поиски двигателя с погнутыми лопастями ни к чему не привели. Горюнов предположил, что его хозяин был не местный. Приезжал покататься или порыбачить. Ищи-свищи его теперь. Он мог даже не знать, что переехал купальщика. Подумал, что налетел на топляк, и поплыл дальше.

Руководитель Следственного отдела распорядился по-тихому закрыть дело. Тем более что отец девушки не настаивал на продолжении расследования. И вот на тебе! Как гром среди ясного неба. Исчезла еще одна девушка. При схожих обстоятельствах. В пятистах метрах от лесной дорожки, по которой Даша Миронова в последний раз спустилась к водохранилищу.

Двое очевидцев, включая мать девушки, уверяли, что Марина пропала в заводи прямо у них на глазах. Что случилось? Утонула? Каким образом? Глубина в заводи полтора метра. И никаких моторок в этот раз.

Рассматривая заросли за причалом, Горюнов прикидывал, можно ли вообще утонуть в таком месте. Когда искали Дашу Миронову, Леонидыч, инспектор ГИМС, рассказывал, что иногда человек уходит под воду молниеносно, без крика. Это если после перегрева на солнце сразу ухнуть в ледяную воду. Резкий перепад температур вызывает спазм у красного моторчика в груди. Может, в этот раз так и случилось?

– Маловероятно, – сказал Горюнов себе под нос.

После двух недель жары вода Истры не нагрелась, но и не была ледяной. К тому же мать девушки говорила, что Марина успела оплыть вокруг причала, то есть какое-то время находилась в воде, а не сразу пошла камнем на дно. Грешить на проблемы со здоровьем не стоило, хотя совсем исключать их тоже нельзя.

Но допустим, она все-таки утонула. Захлебнулась ненароком. Где тогда тело? Компания молодых людей, игравших в волейбол, сразу кинулась ее спасать, но

нашла заводь пустой. От девушки не осталось и следа. Куда она исчезла? Унесло течением? А есть ли оно в заводи?

От допущений и предположений кружилась голова. Невероятная история Дарьи Мироновой повторялась, словно дурной сон. Схожее место. Схожие обстоятельства. О лодочном моторе теперь речи быть не может, а значит, о несчастном случае тоже. Речь идет уже о серийности и чьем-то злонамеренном умысле.

Убийство…

Пока не найдено тело, говорить об этом преждевременно. Но Горюнов почему-то не сомневался, что второй труп не заставит себя ждать. Если убийство, то с какой целью? Хотя нет, не это главное. Каким способом совершено преступление? Вот вопрос из вопросов!

К счастью, в этот раз были очевидцы. Правда, мать девушки рассказала немного по причине истерики, охватившей ее в момент происшествия. Елизавета Бевенис не запомнила деталей и лишь повторяла, что ее дочь тонула и тонула, а мужчина на берегу даже не попытался ей помочь.

Горюнов нашел глазами черепичную крышу пляжного бара. Там ждал второй очевидец – молодой человек, проявивший странную нерасторопность. Следователь собирался сам его опросить, надеясь добыть ответы на многочисленные вопросы.

* * *

По пути к бару Горюнова перехватил владелец отеля. Абрамов взял следователя за локоть и вежливо предложил отойти в сторону.

– У вас все в порядке? Нужна еще помощь?

Служба безопасности отеля организовала охрану места происшествия, участвовала в оцеплении вместе с милицией – в общем, всячески помогала.

– Пока не нужно, но спасибо, – ответил Горюнов.

– Понадобится – обращайтесь.

– Обязательно.

Они встали на аллее, которая тянулась вдоль пляжа. Лучи вечернего солнца просеивались сквозь посадки туи. Здесь чертовски приятно гулять вечерами, завистливо подумал Горюнов. В Следственном комитете у него был неплохой оклад, однако позволить себе отдых в Istra Park он не мог.

– Если честно, то у меня в голове не укладывается, как там можно утонуть, – рассерженно говорил Абрамов. – Там всего полтора метра. Полтора! Я собирался вычистить эту заводь, срыть берег и продлить пляж, но ландшафтный дизайнер посоветовала оставить все так – с водорослями, обрывом и прочей дребеденью. Дескать, создает в душе ощущение первозданного уюта. И вот тебе на! Молодая дурочка полезла купаться, захлебнулась, а на репутации отеля поставлено жирное пятно!

– Нет ли там водоворота? – спросил Горюнов.

Абрамов отрицательно помотал головой.

– Водовороты выше по течению, за мысом, где в Истру впадает приток. Но здесь даже ручья нет.

– А водозабор, очистные? Может, ее в трубу затянуло?

– Водозабор не здесь. К тому же заборное отверстие закрыто решеткой. Человека туда затянуть не может.

– Понятно…

Горюнов заметил между деревьями железный столб, на котором торчала коробочка видеокамеры. Абрамов перехватил его взгляд.

– Это одна из четырех, что следят за пляжем, – пояснил он.

– Заводь попадает в поле зрения?

– Сложно сказать. Пожалуй, нет – там высокий берег и деревья. Понимаете, люди там обычно не купаются. Мы не думали…

– Можно мне все-таки получить записи?

– Конечно. Начальник охраны передаст вам копию. – Абрамов искоса глянул на следователя. – Полагаете, происшествие связано с тем, что случилось у соседей?

Горюнов деликатно кашлянул.

– Я не имею права обсуждать ход следствия.

– Как вас по имени-отчеству?

– Андрей Павлович.

– Послушайте, Андрей Павлович, я обязан знать все, что происходит в отеле. Я в курсе находки возле гидроузла, и меня тревожит, что наш случай может стать продолжением. Если девушка просто утонула – это одно. Но если не просто…

– Пока я не вижу связи, – уклончиво ответил Горюнов. – Эти случаи объединяет лишь то, что они оба произошли на воде и что жертвами стали девушки. Марина Бевенис могла захлебнуться или запутаться в браконьерской сети, которую принесло откуда-нибудь. Возможно, здесь есть водовороты, о которых вы не знаете. Возможно, что-то еще. Пока все выглядит как несчастный случай. Вкупе с происшествием в поселке Сосновый можно говорить о двух несчастных случаях на воде. Не более.

– Понятно. – Абрамов нахмурился, о чем-то думая. – Я хочу, чтобы вы поняли, Андрей Павлович, – успех вашего расследования для меня крайне важен. Этот отель – мое детище. Я вбухал в него уйму средств. Несчастный случай на моем пляже принесет мне убытки. Это неприятно, но не смертельно. Однако если выяснится, что в окрестностях орудует серийный убийца…

– Для такого утверждения нет оснований.

– Допустим, только допустим. Если речь идет о маньяке, я стану банкротом. Никто не поедет в отель, постояльцев которого по частям вылавливают из водохранилища. – Абрамов помолчал. – Мне бы очень хотелось, чтобы следствие установило причины. А если имеется вина человека – нашло этого человека. За успешное раскрытие дела я готов выплатить награду. Скажем, пятьдесят тысяч евро…

Горюнов сбился с шага.

– Это лишнее. Мы достаточно зарабатываем, – недовольно произнес он.

– Не воспринимайте мое предложение как что-то незаконное. Я всего лишь хочу усилить мотивацию, чтобы дело было раскрыто как можно быстрее. Не умаляя вашего чувства долга и профессионализма – уверяю вас, что дополнительные денежки всегда хорошо стимулируют.

Горюнов задумался. Получилась не взятка, а нечто вроде премии. В принципе, частное лицо имело право объявить награду участникам следствия, обратившись с письмом к руководителю Следственного комитета. Такие случаи бывали. А Горюнову как раз нужны были деньги, чтобы устроить своего оболтуса в юридический на платное. Сын завалил выпускные экзамены в школе, и теперь ему светила работа лишь на низших полицейских должностях.

– Со своей стороны я, конечно, усилю охрану, – продолжал Абрамов, пока Горюнов думал над его словами. – Безопасность на территории я гарантирую. Но мне нужно быть уверенным, что подобное больше не повторится. Ни в отеле, ни в его окрестностях. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – вздохнул Горюнов.

– Если вы согласны, у меня будет одно условие. Мне бы хотелось, чтобы информация о происшествии не попала в прессу. Это возможно?

– Я думаю, участие прессы на данном этапе нежелательно, – пробормотал Горюнов.

– Рад, что мы понимаем друг друга, – сверкнул Абрамов широкой улыбкой ровных зубов. – Пятьдесят тысяч евро, Андрей Павлович! Запомните!

* * *

Митя сидел за столиком пустого бара и нервно грыз ноготь, ожидая беседы со следователем. Днем в баре раздавали бесплатные напитки и легкую еду, но сейчас створки раздачи были задвинуты, стулья закинуты на столы кверху ножками.

Следователь появился не со стороны пляжа, как ожидал Митя, а откуда-то из-за деревьев. На нем была голубая рубашка с коротким рукавом и синими погонами, похожими на прокурорские. Он буднично представился, опустился за стол и раскрыл блокнот. Через полминуты возник еще один человек, молодой, щуплый, видимо, помощник.

– Савичев Дмитрий Александрович? – прочитал Горюнов в паспорте, за которым Митя по просьбе полицейского сбегал в коттедж.

– Совершенно верно.

Следователь отдал документ. Молодой помощник, устроившись за соседним столом, заполнял какой-то бланк.

– Чем занимаетесь? – спросил Горюнов.

– У меня фирма по производству террариумов.

– Террариумов? Это что?

– Аквариумы для рептилий и земноводных.

– У меня был аквариум. Кот съел всех рыбок. Хороший доход приносит фирма?

– Сейчас дела идут не очень.

– Поэтому отдыхаете здесь?

Митя почувствовал в вопросе издевку: «Дела идут не очень, поэтому отдыхаете здесь, а не в Куршавеле, как обычно?»

– Я с семьей приехал, – неуверенно ответил он.

Горюнов что-то пометил у себя в блокноте. Ему было лет сорок пять. Простоватые черты лица. Жесткие, как солома, светлые волосы. Он старался казаться небрежно-официальным, но Митя ловил на себе цепкий, изучающий взгляд из-под редких бровей.

– Дмитрий Александрович, мы с вами просто беседуем. Когда от вас понадобятся показания – оповестим повесткой. А сейчас расскажите, что вы видели.

Митя поморщился. Рассказать – это не так просто, как кажется со стороны. Он долго обдумывал, о чем стоит рассказать, а о чем умолчать. И в конце концов решил не упоминать о большой тени, появившейся рядом с девушкой. Незачем посвящать следователя в подробности своих детских кошмаров. Это вызовет насмешку или раздражение.

И он стал рассказывать остальное. Как читал электронную книгу, как плавал, как вышел на берег. Как увидел девушку и пытался понять, что привлекло ее в заводь. Как потом увидел белую кувшинку…

– Вот почему она туда полезла, – кивнул Горюнов. – Ну-ну, рассказывайте. Что произошло дальше?

– Как она ушла под воду, я не видел. Я в тот момент ногу подвернул и упал. А потом девушка закричала… и все.

– И все?

– Да.

Горюнов пристально посмотрел на него. Митя смутился.

– Рядом с девушкой кто-нибудь плавал?

– Я никого не видел. Правда, слышал плеск.

– Плеск какого рода?

– Затрудняюсь ответить.

– Где?

– Рядом с причалом.

– А кто плескался?

– Не знаю.

– Вы сказали, что в воде никого не было.

– Не было.

– Но плеск слышали?

– Слышал.

– Может, кто-то все-таки плавал, просто вы не обратили внимания?

– Не знаю… может…

Митя видел, что следователь чем-то недоволен.

– Почему вы оказались на пляже так поздно? Было время ужина, не так ли?

Митя не хотел рассказывать о званом приеме у Абрамова и о родственной связи с ним. Поэтому ответил просто:

– Очень жарко. Есть не хотелось.

– Народу на пляже было много?

– Никого практически.

– Конкретнее.

– Мама этой девочки. Волейболисты. На том конце еще несколько человек.

– А кроме них? На обрыве, может, кто стоял? Дальше по берегу? Рыбаки на лодках?

– Нет… не было вроде…

– Понятно, – произнес Горюнов, хмурясь. – Вы знакомы с пропавшей?

– Видел пару раз на пляже, а так – нет, не знаком.

– Мать девушки утверждает, что вы следили за ней.

Формулировка вопроса возмутила Митю.

– Следил?! – воскликнул он. – Но я же говорил. Она поплыла в эту заводь, я сначала не понял, зачем. Потому и пошел, чтобы посмотреть.

– Почему вас это заинтересовало?

– Не знаю. Просто.

– Мать девушки сказала, что перед этим вы что-то бросили в воду.

Митю снова поразили неприкрытые обвинения в его адрес.

– Что бросил? Когда?

– До того, как Бевенис зашла в воду.

– Я ничего не бросал. Наверное, мать девочки имела в виду плеск, про который я рассказывал. Я же вам рассказывал!

Митя почувствовал, что с трудом себя контролирует.

– Не раздражайтесь, пожалуйста, – невозмутимо произнес Горюнов. – Я пытаюсь установить картину происшествия, и пока она выглядит очень туманной. Кстати, где вы находились в ночь с десятого на одиннадцатое июля?

– Какое это имеет…

– Ответьте, пожалуйста.

Митя стал прикидывать. Это за четыре дня до приезда в Istra Park. Он провел вечер с Максом, старым университетским другом. У Макса начался отпуск, и он собирался лететь на отдых в Таиланд. Сначала они сидели в кабаке, потом Макс познакомился с девушкой, а Митя отправился домой. Он не стал вызывать такси, а решил прогуляться по ночной прохладе. Пьяненький Митя шел по пустым московским улицам и воображал себя героем старого советского фильма, шагающим по ночному городу, в котором нет криминала и насилия, а только уверенность в счастливом завтрашнем дне.

В котором часу они с Максом расстались? Точное время он не помнил. В двенадцать или в час. Он не следил за временем – Натали дала ему карт-бланш.

– Я встречался с другом, – ответил Митя следователю. – Мы сидели в ресторанчике на Патриарших прудах.

– Всю ночь?

– Почти до упора.

– Имя-фамилия друга?

Митя продиктовал координаты Макса. Помощник следователя записал. Пусть проверяют. Макс подтвердит, что они были вместе.

– Как далеко мать девушки находилась от места происшествия?

– Метрах в пятнадцати.

– А вы?

– Чуть ближе.

– Мать девушки сказала, что вы находились рядом с ее дочерью, когда она тонула.

– Я был не рядом… в нескольких метрах.

– А точнее?

– В трех-четырех, – ответил Митя неуверенно.

– В трех? – спросил Горюнов. – Вы были в трех метрах? И не помогли ей?

Митя почувствовал на себе горячие осуждающие взгляды следователя и его помощника. Лицо вспыхнуло от стыда.

– Ну так что? – не отставал Горюнов. – Вам нечего на это сказать? Три метра помешали вам спасти тонущую девочку?

– Я плохо плаваю.

– Три метра?

– Я боюсь глубины. Я едва не утонул в детстве.

– Понятно.

– Что вам понятно? Что! – сорвался Митя. На эмоциях он выскочил из-за стола.

– Не кричите здесь, – строго одернул его Горюнов. – А ну сядьте!

Митя покорно опустился на стул.

– В общем, так, гражданин Савичев, – Горюнов глядел на него в упор. – Показания ваши путаные и туманные. Вы находились рядом с жертвой, но как она утонула – не видели. Не говоря о том, что не попытались ей помочь. У меня есть основания подозревать вас в уголовном преступлении, связанном с пропажей Марины Бевенис. Отпуск еще долго продлится?

– Две недели, – ответил оторопевший Митя.

– Попрошу его не прерывать и оставаться в отеле.

Глава 5

В коттедж он возвращался затемно. На территории отеля зажглись фонари, освещая в дебрях леса дорожки и аллеи. Напуганный, ошарашенный, Митя брел по ним, не узнавая окружающих мест. Где-то за деревьями слышались нетрезвые голоса и беззаботная музыка. Все это никак не соответствовало настроению Мити и сильно раздражало.

Перед расставанием помощник Горюнова подсунул ему бланк, на котором мелким неразборчивым почерком были зафиксированы Митины ответы. Помощник сказал, что бумагу можно не подписывать, уголовное дело еще не завели, но Митя все же черкнул внизу авторучкой, побоявшись, что отказ укрепит подозрения следствия. Интересно, на какое уголовное преступление в отношении Мити намекал следователь? Похищение человека? Убийство?

«Но это же глупость! – возмутился про себя Митя. – Полный бред! Как они могут винить меня в исчезновении этой девочки?!»

Может, все-таки стоило рассказать о тени? Пусть разбираются, чья она, им за это платят.

Митя попытался представить, в какую сторону такой ответ повернул бы ход допроса, и быстро понял, что поступил разумно. Горюнов забросал бы его уточняющими вопросами, которые выявили бы у очевидца умственную неполноценность – причем такую, что соответствующие специалисты без труда подобрали бы соответствующий диагноз. А Горюнов потом рассказывал бы под хохот коллег анекдот про свидетеля, который уверял его, что в исчезновении жертвы виноват Годзилла.

Правильно он промолчал, не выставил себя на посмешище. К тому же Митя не был до конца уверен, видел ли он что-нибудь вообще. Может, тени не было. Померещилась. Зрелище тонущей девушки всколыхнуло детский страх и породило в мозгу странную иллюзию…

Господи, как он может всерьез рассуждать о монстре в Истринском водохранилище! Это же шизофрения!

Коттедж вырос перед ним неожиданно – ноги привели к нему сами. В окнах горел свет. За одной из занавесок виднелся силуэт Натали, которая кормила Марусю. Последняя недовольно повизгивала и изгибалась, отворачиваясь от протянутой ложки.

Митя поднялся по лесенке, постучал в дверь. Щелкнул замок, дверь распахнулась. Натали стояла в проеме с Марусей на руках.

– Митя, мне так жаль! – В голосе супруги сквозило искреннее сочувствие. – Какой ужас!

Не выпуская дочь, она обняла его свободной рукой. Митя заключил обеих в объятия. Маруся, почувствовав важность момента, оторвала одну лапку от мамы и тоже обхватила его за шею, неуклюже прижавшись к нему лобиком. Митя едва не расплакался.

– Я заказала ужин из ресторана. Знала, что ты будешь голоден. – Она указала на две пластиковые тарелки. – Сейчас разогрею. Подержи пока Марусю…

Натали разогрела ужин в микроволновой печи, после чего они втроем устроились за столом в гостиной. Митя ел механически, не чувствуя вкуса. Натали пыталась кормить дочь, но та уже хотела спать, капризничала и терла глазки запястьем.

– Мама рассказала. Ты видел, как все случилось?

Митя кивнул, пережевывая щепотку риса.

– Какой кошмар, – задумчиво произнесла супруга. – Ты идешь на пляж, загораешь, плаваешь и вдруг – раз! – судорога в ноге и тебя больше нет.

Она зябко повела плечами.

– Следователь меня подозревает, – поделился Митя.

– В чем? – изумилась супруга.

– Я был рядом, когда эта девочка… в общем, когда она скрылась под водой.

– Он думает, ты ее утопил?

– Не знаю.

– Это нелепо! – возмутилась Натали. – Где они этого следователя откопали? Он вообще изучал криминалистику? Как ты ее утопил, когда стоял на берегу?

– Натали, забудь.

– Что значит «забудь»! Этого нельзя так оставлять. Этот следователь вообще знает, с кем связался? Он будет завтра в отеле? Я с ним поговорю. Надо вправить человеку мозги, если они у него набекрень… Ты сказал ему, что владелец отеля – твой тесть?

– Нет.

– Нужно было сказать.

– Наташа, ну какое им дело!

Она его не поправила. В этот момент вытирала салфеткой остатки каши с Марусиных губ и не обратила внимания, что он назвал ее Наташей. Обычно лицо жены накрывала тень, губы надменно поджимались. «Наташами кличут ткачих на фабриках», – обычно говорила она. Но сейчас даже не заметила ошибки. Митя понял, насколько происшествие на пляже ее встревожило.

– Мама говорит, отец себе места не находит, – сказала она. – Оказывается, это уже второй случай.

– Что значит второй случай?

– Помнишь, ты спрашивал отца о полиции в лесу? Оказывается, искали еще одну пропавшую девушку.

– Была еще одна? И твой отец ничего не сказал?

Митю захлестнуло возмущение.

– У него были причины. Информация такого рода может грозить неприятностями для отеля.

– Это отговорка. Люди должны знать. А он скрывал. Я бы близко к этому пляжу не подошел!

– Ты преувеличиваешь опасность. Хотя, конечно, отец должен был рассказать. С его стороны это нечестно.

Она попыталась скормить Марусе еще одну ложку, но девочка уснула, пока родители спорили. Натали осторожно вытащила ее из детского креслица и отнесла в спальню. Митя тем временем думал. Утонувшая девушка – не первая жертва. Не первая. Что же это значит? Что ее гибель не была случайной? Что он может забыть о галлюцинации? Выходит, не остается другого объяснения, кроме как…

Его охватил колючий озноб.

– Натали! – позвал он супругу, выходящую из спальни.

– Шшш! – зашипела она, строго указывая на дверь. – Сам будешь укладывать, если проснется.

– Давай уедем! – шепотом заговорил Митя. – Бог с ним, с халявным отдыхом. Давай вернемся в Москву.

– Вернемся в Москву? В это пекло?

– Я не могу больше здесь оставаться.

Следователь просил его остаться в отеле, но бумаг Митя не подписывал. Они не могут запретить ему уехать, у них и дело-то не заведено. Так что валить отсюда как можно скорее. Прямо завтра утром. Найти в Москве хорошего адвоката и в следующий раз разговаривать со следователем только в его присутствии.

Натали обдумывала его слова. И выражение ее лица не понравилось Мите.

– Ты хочешь уехать? Сорвать наш отдых? Из-за какого-то следователя? – Она внимательно посмотрела на него. – Или не только из-за него? Это все твои детские страхи, да? Тебе опять что-то мерещится?

Митя молчал.

– Мы не отдохнем толком, – продолжала она, – потеряем в деньгах, в которых и так не купаемся, вернемся в душную Москву. Из-за чего, скажи мне? Из-за твоих страхов? Я не говорю о том, что бабушка с дедушкой лишатся удовольствия видеть Марусю. Ты о них подумал?

Митя молчал. Ему было глубоко начхать на бабушку и особенно на дедушку. Последний заверял их, что беспокоиться не о чем, что в отеле безопасно, что трехметровый забор и все такое – отдыхайте, развлекайтесь, набивайте брюхо омарами. И каков результат этих заверений?

Натали взяла его за руки, посмотрела в глаза.

– Митя, послушай меня. Что бы ни случилось на пляже, отец сделает все, чтобы это больше не повторилось. Ему самому не выгодно, чтобы страдали клиенты. Он прикажет спасателям дежурить на пляже двадцать четыре часа в сутки. Он все сделает, все организует. Тебе не о чем беспокоиться.

– Натали, ты меня не слышишь. Если ты не хочешь, я уеду один.

– Даже не думай! – зашипела она сквозь зубы. – Не вздумай выставлять меня перед отцом на посмешище!

– Ты не заставишь меня остаться.

– Может, тебе вообще стоит пожить одному?

Натали знала, как сделать ему больно. Она прекрасно знала, насколько они ему дороги, и в некоторых случаях использовала против него этот прием.

Митя хотел сказать ей, чтобы она перестала играть на его привязанности к семье, как вдруг раздался громкий стук в дверь.

– Господи, кто это? – всполошилась Натали. – Он сейчас ребенка нам разбудит!

– Эй, хозяева! – раздался за дверью мужской голос. – Не спите еще? Вижу, свет горит. Откройте на секундочку, дело есть.

Митя поспешил к двери.

* * *

Митя приоткрыл дверь, и полоса света из прихожей упала в синюю тьму, частично высветив фигуру человека на крыльце. Плечистый, в форменной куртке с эмблемами какой-то водной службы. В расстегнутом вороте синели полоски тельника. От незнакомца пахло рыбой и водорослями. Лица было не разобрать, но Митя не помнил, где включается фонарь на крыльце.

– У нас ребенок спит. Зачем стучите?

– Оп. Извини, командир. Не знал. Савичев – не ты, случайно?

– Случайно я. Что нужно?

– Выйди, Савичев, воздухом подышать.

– Зачем?

– Вопросик к тебе нарисовался, ясность надо внести.

Митя оглянулся на Натали, которая застыла посреди гостиной, изображая немой вопрос. Митя знаком показал ей, что все в порядке, он сейчас вернется.

Он вышел на крыльцо, прикрыл за собой дверь. Незнакомец тем временем чиркнул спичкой, закуривая. Огонек осветил седые волосы, почему-то мокрые, изрезанное морщинами волевое лицо, строгие стрелки усов. На вид ему было лет шестьдесят.

За деревьями у воды горели красные огни. Там стояло судно.

– Вы по воде сюда приплыли? – удивился Митя.

Визитер выдохнул дым.

– По суше не хожу, не моя стихия. У тебя как со временем?

– Есть пара минут. А что?

Не выпуская сигареты из пальцев, визитер потер подбородок.

– Я с этой бабенкой поговорил, мамаша девчушки которая. Теперь вот с тобой хочу. Как говорят у нас в Одессе: ожидаю этой минуты с нетерпением и трепетом. Ты все-таки мужик, не баба. В нервические состояния впасть не

должен. От тебя больше пользы будет.

– Я все рассказал Горюнову. Не понимаю, что еще от меня нужно?

Незнакомец безнадежно махнул рукой.

– У Горюнова свои заботы. Ты мне лучше расскажи. Горюныч говорит, ты ему пел про какой-то плеск. Таки да?

Митя замешкался перед ответом.

– Да.

– Можешь показать?

– Что показать?

– Место, где плеснулось. Проверить надо – вдруг следы остались.

– Какие могут остаться следы, – опешил Митя, – на воде?

– На воде, естественно, не могут. Ну а под водой-то? На дне?

Митя замер, изумленно глядя на стоящего перед ним человека.

– Вы водолаз?

– В некотором роде, – хмыкнул тот. – По второй профессии. Ну так что, прокатимся?

Митя посмотрел в сторону катера, темный силуэт которого вырисовывался за деревьями.

Этот поздний визит казался розыгрышем. Куда-то идти на ночь глядя ему вовсе не хотелось. К тому же снова придется обсуждать инцидент на пляже, снова умалчивать и недоговаривать о вещах, которые он то ли видел, то ли нет, – ему

этого определенно не хотелось.

Однако незнакомец удивительным образом догадался о сомнениях и неожиданно произнес:

– Дело-то непростое, верно, парень? Не просто так девчонки тонут в водохранилище, как котята в тазике. И причина совсем не в том, на что думает следователь. Вот я и хочу разобраться. Очень мне не нравится, когда у меня на подведомственном объекте непонятная фигня творится.

– А вы вообще кто?

Он протянул руку.

– Зови меня Леонидыч. Государственная инспекция по маломерным судам.

Митя пожал крепкую ладонь.

* * *

Он вернулся в коттедж и сказал Натали, что ненадолго отлучится – нужно кое-что уточнить на месте происшествия. Натали удивилась: ночью? Пока Митя искал в чемодане легкую куртку, она заговорила о том, что без адвоката он не должен встречаться с дознавателями. Митя заверил супругу, что это не дознаватель, а водолаз, который обследует заводь, где утонула девушка. Натали замолчала, но Митя все равно чувствовал, что она осталась недовольна.

А между тем ему захотелось прогуляться с инспектором. Митю крайне заинтересовали его слова. Этот Леонидыч прямо намекал, что дело не такое простое, как о нем думает следователь, а значит, обвинения против Савичева беспочвенны. А Мите очень хотелось доказать свою невиновность.

Когда он вышел на улицу, Леонидыч, присев на низенький заборчик, смотрел на светлеющее за деревьями водохранилище и напевал под нос старую песенку:

Ты – в сердце моем! Ты – всюду со мной!

Одесса – мой город родной!

– Ничего, что идем в такую темень? – спросил Митя. – Может, до утра подождать?

Леонидыч поднялся, раздавил носком сапога окурок.

– Утром нас ждут другие подвиги. – Он глянул на Митю и перешел на украинский говорок: – А вы шо, дорогой мой, ночью имеете бледный вид? На вас нападают страх и сомнение?

– Нет, – смутился Митя. – Я просто за вас беспокоюсь. Как вы будете погружаться в темноте?

– За меня не беспокойся, – Леонидыч снова заговорил на чистом русском. – Я на четверть километра погружался. Думаешь, мне там солнышко светило?

Леонидыч пошел не по асфальтовой дорожке, а сквозь деревья. Он двигался быстро, уверенно, легко огибая шершавые стволы. Митя едва поспевал за ним. Темные ветви хлестали по плечам. Под ногами хрустели сучья.

– А следак тебя подозревает, – бросил Леонидыч с ехидцей. – Думает, девчушка ушла на дно не без твоего участия.

– Знаю. Он мне сказал… Вы так не считаете?

– Как тебя звать?

– Дмитрий.

– Димка, значит… Дело странное, я же говорил. Но мое мнение: ты тут ни при чем. Так, мимо проходил.

Они стали спускаться по крутому откосу.

– Когда первая девушка пропала, свидетелей не было, – на ходу объяснял Леонидыч. – Хотя исчезла, видимо, так же. Зашла в воду – и тю-тю! С концами. Искала куча людей. Обшарили все окрестности. Даже вертолет подключали…

– Я видел вертолет.

– Видел, да? Ну вот. Не нашли. Никаких следов. Словно испарилась девчушка. И вдруг, после трех дней поисков, ее половинка выплывает возле гидроузла. Из ниоткуда выплывает.

– Что это означает?

– Не знаю. Никто не знает. Загадка.

Они спустились на берег и двинулись сквозь темноту по топкой земле среди шуршащего хвоща. Митя впервые слышал о том, как нашли первую жертву.

– Но что же с ней случилось? – спросил он. – У вас есть предположение?

– Обычно люди тонут по пьяни или по глупости, – ответил инспектор. – Иногда им к ногам что-нибудь привязывают, чтобы не всплыли. А здесь… – Он перепрыгнул через ручеек. – Здесь девчонки тонут как бы случайно. А потом их находят порванными на части. Тот, кто это делает, обладает неимоверной силищей.

– Вы видели жертву?

– Видел. Жуткое зрелище… В семьдесят девятом в Арктике был свидетелем, как белая медведица оторвала руку нашему мотористу. Хотел погладить ее медвежонка, дурак. В матушке было под четыреста кило. Повалила в снег, лапой придавила, зубами за запястье и – хрясь!.. – Он передернул плечами. – Я думаю, с девчонкой произошло похожее, только пострашнее.

Катер стоял, уткнувшись носом в берег. Волны слегка качали корму. Красные габариты придавали ему сходство с НЛО, перемещающимся по воде.

– Забирайся, – велел Леонидыч, вытаскивая из земли якорь.

Митя поглядел на хлюпающую у бортов черную воду. Панический ужас взял его за горло.

– Может, я по берегу пойду?

– Долго идти будешь. Тут до причала метров четыреста с лихвой. – Леонидыч недобро сверкнул ледышками глаз, отражавших огни отеля. – А в чем проблема?

Митя неловко усмехнулся.

– Как это сказать… Я на катерах еще не плавал.

– Врешь! – поразился Леонидыч. – Ни разу в жизни?

– Ни разу. У меня фобия… глубин.

Леонидыч на секунду задумался.

– А ты что думаешь, – строго сказал он, – я, государственный инспектор, отвечающий за безопасность на воде, пассажира без спасжилета повезу? – Он закинул моток каната на бак. – Залезай давай. Под сиденьем найдешь. Оранжевый…

Митя тяжко вздохнул: отступать некуда. Он стянул сандалии и вошел по щиколотки в хлюпающую воду. Высокий борт слегка покачивался перед ним. Савичев забросил сандалии внутрь и, ухватившись за скобу, стал неуклюже карабкаться наверх. Под его весом катер сильно накренился.

– И правда совсем зеленый, – покачал головой Леонидыч. – Оставь борт в покое, скалолаз. На бак лезь. Казенный катер мне перевернешь.

Воспользовавшись советом, вскоре Митя оказался на палубе. Скрученный в охапку жилет действительно лежал под сиденьем. Путаясь в вязках, Савичев стал натягивать поверх куртки. Леонидыч, взявшись за форштевень, приподнял нос судна и зашел с ним в воду. Катер легонько поплыл. Митя вцепился в борт.

– Как поживает фобия? – с усмешкой спросил инспектор, запрыгнув на бак в мокрых сапогах.

– Ничего пока.

Леонидыч перебрался на кокпит, встал к рулю.

– Тогда, как говорил Гагарин, ПОЕХАЛИ!

Вдоль берега они шли на малом ходу. Двигатель негромко урчал, разрезаемая килем вода покорно расходилась вдоль бортов. Мимо плыл берег отеля: в темном лесу светились гирлянды огней и прямоугольники окон. Вскоре лес отступил за полосу пляжа.

По причалу бродил человек. Леонидыч направил на него прожектор, и луч осветил униформу охранника Istra Park.

– Куда прёте! – сердито закричал охранник. – Собственность отеля! Пошли вон! – Видя, что катер не сбавляет ход, взбесился: – Вы что-о?! Совсем? Я чего сказал?!!

– Поумерь пыл, петушок! – крикнул Леонидыч сурово. – ГИМС! Как расшифровывается, знаешь?

Он выключил двигатель, и катер, сбросив скорость, плавно подошел к причалу. Недоуменный охранник, закрываясь от слепящего света, разглядывал из-под ладони окраску и надписи на бортах. Убедившись, что Леонидыч не шутил, съежился и присмирел.

– Уважительнее надо к людям, – поучал его инспектор. – Место происшествия охранять поставили?

– Да, – пристыженно ответил охранник.

– Это хорошо. На-ка, конец прими.

Охранник подтянул катер к причалу. Леонидыч перебрался на мостки, на которых несколько часов назад загорала Марина Бевенис, и проворно привязал

судно за нос и корму, после чего вернулся на палубу. Он стянул куртку, оставшись в тельнике. Мите открылись литые плечи и шарики бицепсов. Для старика Леонидыч был в прекрасной форме. Можно даже позавидовать.

– Заводь я уже осмотрел, – поведал инспектор, и Митя вспомнил сырые волосы, обратившие на себя внимание при их знакомстве. – Сама по себе заводь – безопаснейшее место. В детской ванночке утонуть проще, чем в ней. Естественно, никаких следов девчушки. А вот дно пляжной зоны я еще не осматривал – уж больно велика территория. Мне нужно знать конкретное место. Где, говоришь, плеснулось?

Митя взглянул на широкое поле воды. В темноте, да еще от причала, оно выглядело по-иному, чем при солнечном свете от берега.

– Погоди, я тебе подсвечу.

Инспектор повернул прожектор. Свет выхватил цепочку бело-красных поплавков, ограничивающих зону купания. Они помогли Мите сориентироваться.

– Вот там, – показал он. – Перед поплавками. Рядом с прогулочными лодками.

Леонидыч проследил за тем, куда указал палец Савичева, и бросил туда какую-то гайку. Раздалось негромкое бульканье, и на поверхности закачался рыбацкий поплавок.

– Так? – спросил Леонидыч, накидывая на плечи лямки воздушного баллона.

– Вроде бы. Но точнее сказать не могу.

– Этого достаточно.

Сев на борт, Леонидыч надел ласты, сдвинул маску на лицо, подобрал с палубы фонарь. Митя заметил у него на плече синюю расплывшуюся татуировку, но в темноте не разглядел толком. Кажется, на ней был якорь и еще что-то.

– В принципе, – прогудел Леонидыч из-под маски, – можешь идти домой. Дальше я сам.

– А можно мне вас дождаться?

Глаза за стеклом маски глянули на него с интересом.

– Зачем тебе?

– Мне нужно.

– Да брось. Ты на отдыхе, путевку покупал. Зачем тебе лезть в эти дела с утопленниками? Отдыхай, веселись, пей халявное пиво. Будь у меня такая возможность, так бы и делал.

– Я разобраться хочу, – произнес Митя серьезно. – Для себя.

Леонидыч еще раз внимательно изучил его лицо.

– Ладно, – сказал он, – жди в лодке.

Он зажал зубами мундштук, включил фонарь и опрокинулся за борт, плеснув во все стороны брызгами и намочив одежду Мити.

* * *

В ночной час вода была прозрачной, не взбаламученной. Луч фонаря пробивал метра на четыре, и глаз Леонидыча неплохо различал подводные окрестности. Половину пространства над головой загораживали широкие тела лодок. За ними темнели сваи, основания которых тонули в клубках водорослей.

Шевельнув ластами, Леонидыч оставил причал за спиной и поплыл к алой полосе, поднимавшейся от ребристого песчаного дна. Именно там упала гайка с привязанной лентой и поплавком на конце. Своеобразный маркер, призванный отметить место.

Подсвечивая себе фонарем, Леонидыч осмотрел дно сначала вокруг гайки, потом в радиусе нескольких метров вокруг. Осмотр привел к приятному для

инспектора ГИМС открытию: владелец отеля тщательно следил за чистотой купальной зоны. Леонидычу не попалось ни пивной банки, ни фантика – традиционного мусора общественных пляжей. Нашлись, правда, чьи-то солнцезащитные очки, запорошенные песком – утопленные во время купания сегодня или вчера. И еще на дне, словно дохлая медуза, растянулась потерянная косынка.

Леонидыч вернулся к причалу. Мать девушки вскользь упомянула, что вместе с плеском слышала удар лодок. Каких именно – не сказала, да и не это занимало ее мысли в тот момент. Однако Леонидыч странное событие отметил и сейчас собирался осмотреть лодки, расположенные напротив маркера.

Одинаковые днища, рассеченные килем, вытянулись в ряд. Леонидыч плыл под ними, скользя лучом фонаря с одного на другое, задерживаясь на отметинах и неровностях. В одном месте он зацепился вентилем за провисшую петлю швартового – лодки были привязаны кое-как, человек, следивший за прокатным оборудованием, был явным дилетантом в своем деле. Однако, выбравшись из маленькой ловушки, инспектор увидел кое-что интересное.

На днище одной из лодок, как раз напротив брошенной гайки, светлел участок содранной краски – размером с небольшую сковороду.

Леонидыч подплыл ближе, направив на поврежденное место фонарь, и вдобавок к свезенной краске обнаружил крупную вмятину с трещиной. Определенно, лодка приняла на себя удар. Кто-то из гостей отеля, бравших ее напрокат, наткнулся на камень. Хотя вполне возможно, что повреждение появилось в тот самый момент, когда Савичев и мать девушки слышали плеск…

Он осмотрел соседнюю лодку, но ее днище выглядело целым. Вернулся к лодке с вмятиной, проплыл от кормы к носу вдоль стеклопластикового корпуса. Сваю причала, к которой швартовалось суденышко, облепляла зеленая щетина. Посреди наростов светлели три борозды – глубоко вспоровшие дерево, на равном расстоянии друг от друга, удивительно похожие на…

Возможно ли это? Мыслимо ли?

Предположение ошарашило Леонидыча. Он отплыл от причала подальше, чтобы охватить взглядом всю картину. Вот поднимающаяся со дна алая лента – это

там, где Савичев увидел плеск. Левее – вмятина на борту лодки. Еще левее – три борозды на свае. Картина происшествия живо нарисовалась в голове и вызвала у него недоумение и озабоченность.

А еще Леонидычу захотелось поскорее всплыть на поверхность.

* * *

Сидя в катере, Митя наблюдал за передвижениями инспектора под водой. Свет фонаря гулял напротив пляжа, у причала и под лодками. Подводная одиссея продолжалась четверть часа, после чего седая голова в маске появилась над волнами.

По маленькой лесенке на корме рядом с двигателем Леонидыч забрался в катер. Молча освободился от снаряжения и стал вытираться полотенцем.

– Нашли что-нибудь? – не выдержал Митя.

Леонидыч диковато глянул на него из-под полотенца, растер волосы на темени, затем обратился к охраннику – тот вместе с Савичевым наблюдал за погружением инспектора и сейчас тоже ждал ответа.

– Слышь, служивый, – сказал ему Леонидыч, – принеси-ка мне горячего чайку из бара. Я тогда не буду говорить Леонтьеву, твоему начальнику, как ты гостей встречаешь. Сходи-ка. А мы пока за тебя подежурим.

Когда фигура охранника удалилась на безопасное расстояние, Леонидыч повернулся к Мите:

– Когда девчушка исчезла под водой – ты что-то видел? Иначе к чему все твои «разобраться»?

Митя помолчал.

– Не знаю, что это было, – признался он. – Думал, померещилось.

– Опиши.

– Тень под водой. Крупная…

Он замолчал, ожидая усмешки или неодобрения, но Леонидыч остался невозмутим.

– На свае след когтей, – поведал он серьезно. – Вон той, третьей от нас.

– Каких когтей? – не поверил Савичев.

– Крепких и острых. Следы когтей я ни с чем не спутаю.

Митя схватился за край остекления над кокпитом, пытаясь устоять на ногах. Мир вокруг него закружился.

– Думаю, так было дело, – начал объяснять Леонидыч, натягивая тельняшку и штаны. – До того как все случилось, оно пряталось под мостками.

– Кто оно?

Леонидыч словно не слышал вопроса. Он закончил одеваться и подошел к борту, с которого был виден уходящий к берегу причал.

– Лодки пришвартованы небрежно, аж петли висят. Тому, кто за этим следит, – руки оборвать. А оно сидело там… – палец инспектора загадочно показал куда-то вниз, – под пристанью. Долго ли – не имею понятия. Но в какой-то момент оно решило выбраться из-под причала и угодило лапой в свисающую петлю. Зацепилось, короче.

У Мити побежал мороз по коже.

– Дернулось, чтобы освободиться, – продолжал инспектор невозмутимо. – Но пространства там мало, поэтому оно врезалось в лодку и шаркнуло по свае когтями. Тогда и вздрогнул причал – как бабенка говорила. Тогда ты услышал плеск. Плеск хвоста, я думаю.

– Боже мой! – вырвалось у Мити.

В тот момент, когда он находился в воде, неподалеку под причалом пряталось неизвестное существо с острыми и крепкими когтями. «Галлюцинация» неумолимо принимала реальные черты. Теперь не только Митя, но и государственный инспектор подтверждал присутствие в воде некоего существа.

Он почувствовал, что в груди не хватает воздуха.

– Глубже дыши, – посоветовал Леонидыч, сжав его плечо. Жест был отеческий, успокаивающий. – Жуть, понимаю. Сам в шоке. Что это? Откуда? У меня даже мысли нет на этот счет.

– А если мистика? Вы не допускаете, что…

– Дыши глубже, сказал! – недовольно велел Леонидыч. Митя стал послушно глотать воздух ртом. – Я в мистику не верю. Наш корабельный политрук обычно говорил: всякое загадочное явление легче всего объяснить суеверием. Я с ним согласен. Я много чего повидал на своем веку и ни разу со сверхъестественным не сталкивался. Мне проще поверить, что кто-то из здешних нуворишей выпустил поплавать домашнего крокодильчика.

– Насчет крокодила сомнительно. – Митя успокоился. Дыхательная гимнастика по совету инспектора оттеснила панику и возвращала трезвость ума. – Крокодил не выживет в наших водах. Холодно ему.

– В книжке прочитал?

– Я биолог по образованию. У меня бизнес с крокодилами связан. С маленькими, правда.

– Биолог? – Леонидыч вопросительно изогнул бровь. – Это интересно. Хорошо, что не ушел.

Он глянул на часы, потер глаза.

– Вымотался я сегодня. Где этот с чаем?.. Короче, вот что я думаю. Случай сложный. Все, о чем мы с тобой сейчас толкуем, выглядит как бред чистой воды. Однако игнорировать странности нельзя – дело серьезное, две девчонки пропали. Причем одну из них нашли разорванной пополам. Это существо крайне опасно, Димка. Я подозреваю, что на пляже оно жертву себе искало. Пряталось и выжидало, пока пляж опустеет. Оно умное и осторожное. И еще оно очень сильное, потому что утащить под воду брыкающуюся девчонку не так-то просто.

– Скажите, – спросил Митя, – вы будете об этом рассказывать следователю?

– Что ты! – отмахнулся от него Леонидыч. – Чтобы он меня на смех поднял? Ничего я ему рассказывать не буду. Не о чем пока. Надо все как следует обмозговать. Телефончик оставь. Созвонимся завтра?

– Ладно, – ответил Митя.

– Спасибо за помощь!

Он протянул руку. Митя второй раз за вечер пожал хваткую ладонь инспектора.

Глава 6

17 июля

Утро у Горюнова выдалось бурным на совещания и телефонные звонки. Органы дознания, которые всю ночь прочесывали с фонарями прибрежные заросли, докладывали, что ни следов пропавшей девушки, ни ее тела, выброшенного на берег, найти не удалось. В девять позвонил руководитель водолазов МЧС, желавший уточнить, прекращать ли им поиски недостающих останков первой жертвы. Начальник угрозыска сообщил, что аккуратно, без шума, начали осмотр отеля – хозяйственных помещений, складов, подсобок. Владелец относится с пониманием и всячески помогает. Горюнов попросил, чтобы оперативники вели себя поделикатнее – все-таки состоятельный человек, большие связи. Шарафутдинов ответил, что они всегда ведут себя, как ангелы.

В разговоре с прокурором района Горюнов сказал, что собирается объединить дела Дарьи Мироновой и Марины Бевенис.

– Случаи очень похожие, – объяснял он в телефонную трубку. – Один и тот же берег Истринского водохранилища. Между пляжами отеля и поселка пятьсот метров. Обе жертвы – молодые девушки. Исчезли при схожих обстоятельствах, во время купания.

Прокурор долго молчал, размышляя.

– Основания у тебя слабоваты. Может оказаться совпадением.

– Предлагаете подождать, пока всплывут останки второй девушки? – разозлился Горюнов. – А если она еще жива?

– Серийный убийца, значит, – задумался прокурор. – Ну а каким способом совершено похищение? Преступник засунул жертву в подводную лодку?

– Способа я пока не понимаю. Но я носом чую, Алексей Кондратьевич.

– Нос у него… – пробурчал прокурор. – Ладно. Работай.

На утреннем совещании оперативно-поискового штаба Горюнов поручил местному угрозыску проверить всех окрестных пьяниц, бездомных и бандитов. Может, кто-то вел себя странно в последнее время. Может, они видели что-то странное. Может, в округе появились новые подозрительные лица. Теперь, когда в происшествиях появились признаки серийно совершаемого преступления, такую работу нужно было провести.

За всей суматохой Горюнову никак не удавалось сформулировать задание для помощника, молодого стажера Вани Трунова, которого он собирался отправить в столицу для выяснения личности пропавшей девушки и заодно разузнать о Дмитрии Савичеве – кто такой, чем живет, с кем общается. Особенно интересовало его алиби в ночь исчезновения Мироновой.

Горюнов не считал Митю главным подозреваемым, как сказал ему об этом в глаза. Молодой предприниматель, отдыхающий с семьей в отеле, не выглядел

как организатор или соучастник зверского преступления. Да, струсил. Да, путался в показаниях, чем немало разозлил следователя – оттого Горюнов его припугнул. Но Савичев в момент происшествия был на виду, а реальные преступники обычно скрывают свои действия. В общем, вряд ли он виноват, хотя поводок подозрения нельзя отпускать – все-таки Савичев видел жертву последним и находился рядом с ней в момент исчезновения.

Пока Горюнова кружила утренняя кутерьма, стажер по своей инициативе доехал до отеля и пообщался с женой Савичева.

– А вы в курсе, что Савичев – зять Абрамова? – сказал он, входя в кабинет и подставляя лицо под вентилятор.

Горюнов, который заваривал кофе, пролил кипяток мимо кружки.

– Савичев женат на дочери хозяина отеля? – уточнил он, стирая старыми бланками лужу со стола.

– Совершенно верно, Андрей Павлович. Я звонил в паспортный стол. Девичья фамилия супруги – Абрамова. Девка, конечно, огонь. Рта не дала раскрыть – запугала, застращала. Но все необходимое я выяснил.

Горюнов выбросил в корзину мокрый бумажный комок, опустился в кресло и задумался. Подозрения в отношении Савичева таяли на глазах. Как-то не вязалась эта личность с грязной историей о расчлененке. Наоборот, Савичев все больше выглядел фигурой, случайно оказавшейся на месте преступления.

– Так проверять алиби Савичева или не надо? – спросил Ваня.

Горюнов отхлебнул горячего кофе.

– Проверь. На всякий случай.

* * *

Эффектно сложив стройные ноги, Натали лежала в шезлонге и оглядывала пляж сквозь солнцезащитные стекла Ray-Ban. Рядом в песке возилась Маруся. Митя отправился за напитками.

В полдень на пляже яблоку было негде упасть. Купальная зона пестрела от рук и голов, напрашиваясь на сравнение бочки с сельдями. За красно-белой нитью поплавков скользили прогулочные лодки и водные велосипеды. Курортная идиллия. Ни намека на то, что вчера за причалом утонула девушка. Песок, истоптанный операми и криминалистами, разровняли пляжные мальчики. Ленты ограждения сняли. Правда, ниже по течению опять появился катер МЧС с водолазами, но народ не обращал на него внимания. Отельная жизнь продолжалась, будто ничего не случилось. Будто муж Натали не числился подозреваемым, а она сама не имела утром неприятный разговор с помощником следователя.

Утром Митя сообщил, что решил остаться в отеле, объяснив вчерашний срыв стрессом. Натали поздравила мужа с трезвым решением. Они позавтракали как ни в чем не бывало и выбрались на пляж. Натали изо всех сил делала вид, что этот день ничем не отличается от остальных. Однако кое-что изменилось.

Несмотря на жару, Митя больше не подходил к воде. Она знала о его фобии, но раньше он с ней боролся – купался на мелководье, учил Марусю плавать в нарукавниках. Сегодня же не отходил от шезлонга. Слушал «Эхо» через наушник, читал электронную книгу, но ни одним из занятий не мог увлечься надолго.

Окончательно измучившись, он надел рубашку и сказал, что пойдет в лобби-бар что-нибудь выпить – сил нет торчать на пляже. Она заказала себе минеральной воды Perrier и морковный сок для Маруси. После его ухода Натали полежала еще немного, поправила панамку дочери, чтобы бешеное солнце не напекло ребенку голову, и достала из сумки коробку с инструментами: катушкой с нитью, набором крючков, ножницами и челноком из слоновой кости…

Плетением кружев фриволите Натали увлеклась еще на третьем курсе филфака. Вязание было отличной разрядкой: помогало занять руки и освободить голову от забот.

Разложив инструменты на пляжном столике, супруга Мити продолжила работу над детской шапочкой из белоснежной хлопковой нити, украшенной серебристым бисером. Шапочка предназначалась не столько для прелестной Марусиной головки, сколько для участия в ежегодном конкурсе Knitting Club[1 - Клуб вязания.], в котором состояла Натали. В прошлом году ей не хватило нескольких голосов, чтобы взять первый приз, однако нынче она собиралась заткнуть за пояс всех претенденток.

Конкурс, награждение и банкет пройдут послезавтра на Пречистенке, где Натали собиралась непременно быть. Она уже договорилась с мамой, что Маруся в этот день останется у нее. А Митя обещал ее отвезти.

Натали работала быстро и уверенно. Челнок в руках мелькал, пальцы, растягивающие нити, исполняли замысловатый танец. Краем глаза Натали следила за дочерью и попутно отмечала обращенные на себя мужские взгляды. Ее увлечение, кроме материальной пользы, выглядело чертовски сексуальным.

Сказать по правде, Натали стремилась на курорт не только для того, чтобы отдохнуть от города и обязанностей молодой мамы, как она объяснила это Мите. В первую очередь она хотела доказать себе, что рождение дочери ее не испортило, что она по-прежнему молода и привлекательна. Зимой Натали усердно занималась в спортзале, возвращая фигуре стройность, потерянную после родов. Пот был пролит не зря, и теперь она без стеснения показывала окружающим затянутую в бикини грудь, стройные бедра, а также главный предмет гордости – подтянутый плоский животик, на котором с лупой не найти ни растяжки, ни жиринки…

Она остановилась, чтобы заменить катушку. Мимолетом взглянула на водохранилище. И застыла.

В полусотне метров от берега летел треугольный парус. Серфер, расправив плечи и выгнув атлетическую спину, ловко ловил ветер. Доска скользила по упругим волнам, золотые кудри горели на солнце. Забыв про вязание, Натали уставилась на экстремала.

Серфер совершил вираж и, низко нависнув над водой, помчался через волны. Некоторые из них клубились «барашками», что означало высокую волну, и у Натали перехватило дыхание.

Забыв обо всем, включая собственную дочь, она следила за борьбой человека и стихии. Ей казалось, что сейчас, вот сейчас он не справится с управлением и перевернется. Но парень, словно по волшебству, упрямо держался на ногах.

Натали хотелось наблюдать за ним бесконечно…

– Мама, качу пи-пи! – сообщила Маруся.

– Подожди, дорогая…

– Мама!! Пи-пи!!

Пожилая женщина на соседнем шезлонге высунула из-за журнала недовольное лицо, выражающее: «Да заткни же, наконец, своего ребенка!» Натали улыбнулась ей, мысленно послав ко всем чертям. Она предлагала Мите в пляжные часы отдавать Марусю в детскую комнату. Это развязало бы руки и позволило заняться активным отдыхом. Серфингом, к примеру. Но Митя уперся: они должны отдыхать вместе, иначе какая из них семья?

Обхватив дочь поперек живота, Натали отнесла дочь в кустики, возле которых Маруська окропила песочек. Когда они вернулись, парус уже стоял ребром – серфер повернул к берегу. За несколько метров до линии водораздела он сбавил ход, опустил парус на воду, спрыгнул с доски. Представление закончилось.

Натали вернулась к шапочке и около минуты работала над кружевным кольцом, как вдруг ее накрыла тень.

– Извините, это ваш ребенок? – раздался чарующий баритон.

Она подняла глаза и обнаружила около себя серфера. Он был мускулистым, стройным – глаз не оторвать. Парус держал над головой, загораживая солнце. На долю секунды у нее мелькнула удивленная мысль. Что он здесь делает? Зачем подошел? Только через мгновение она сообразила, что его путь пролегал к будке проката, маячившей на пригорке.

– Ребенок? Мой? – сказала она. – Боже упаси!

Он усмехнулся.

– Просто я хотел предупредить, что она кушает песок.

Натали метнула взгляд на Марусю, которая, высунув язык, фыркала и отплевывалась.

– Ах ты!.. – Она бросила вязанье и принялась вытирать тыльной стороной ладони испачканный язык дочери. – Это не ребенок, а сущее наказание, вот что я хотела сказать. Но спасибо, что обратили внимание.

– Не за что, – сверкнул парень белозубой улыбкой. – Я тут слежу за тем, чтобы дети не кушали песок.

– Ну да, песок – это же собственность отеля!

Он засмеялся. И Натали поняла, что усилия в спортзале были потрачены не напрасно. Аркан сработал как надо.

– У вас хорошее чувство юмора, – сказал он.

– Нам в университете преподавали азы.

– Вы давно в отеле? Раньше я вас не видел.

– А вы знаете всех женщин в отеле?

– Только красивых.

– Ага.

– Я – Аркадий.

– Спасибо, буду иметь в виду.

– А вас как зовут?

Она оттерла рот Маруси от песка – насколько это было возможно, – поправила сбившуюся прядь и стрельнула глазами на серфера.

– Меня зовут Натали, а моего мужа Дмитрий. Вон он идет сюда. Желаете познакомиться?

Серфер повернул голову в указанном направлении. Без спешки, без испуга, абсолютно уверенный в своем превосходстве над любым соперником, который может появиться на горизонте.

«А он хорош», – подумала она, испытав легкое возбуждение.

– Муж, значит? – произнес серфер. – Будет интересно познакомиться. Наверняка неординарная личность. У такой женщины должен быть именно такой муж.

– Несомненно, – ответила Натали. Ей больше не хотелось с ним заигрывать, ибо Митя был уже близко. – Ваш прокат не закроется?

– Этот серф не из проката, мой личный… Но мне действительно пора. Увидимся как-нибудь?

– Скорее всего – нет.

Он улыбнулся ей на эти слова и отправился дальше, давя ступнями вздыбленный песок. Натали спрятала лицо под солнцезащитными очками, взяла в руки кружево.

Как раз подошел Митя.

– В баре не было «Перье». Я взял тебе «Эвиан». – Он посмотрел вслед серфингисту. – Это кто?

– Так, – равнодушно пожала плечами Натали.

Он больше не задавал вопросов и опустился на шезлонг. Натали сделала вид, что погрузилась в работу. Ни словом, ни жестом она не выдала того, что

стройный светловолосый серфингист ей очень понравился.

* * *

О своем походе в лобби-бар Митя тоже рассказал супруге не все.

Получив у бармена напитки, он устроился со стаканом ром-колы на уютном диванчике рядом с парадным входом. И едва он попытался раствориться в тишине и прохладе, как в нескольких метрах разыгралась неприятная сцена.

К ступенькам корпуса подкатил «Мерседес» представительского класса, из которого вышел деловитый чиновник. Разговаривая по телефону, не глядя по сторонам, он наткнулся в дверях на горничную, которая выкатывала на улицу тележку со щетками, флаконами, полотенцами и туалетной бумагой.

От столкновения трубка выскочила из пальцев и запрыгала по мраморному полу. Следовавший за хозяином охранник злобно пихнул горничную в спину.

– Куда прешь, дура? Не видишь, люди идут!

Девушка смущенно поджала губы, уставилась в пол. Ее грудь взволнованно вздымалась.

– Простите… – пробормотала она. – Простите, пожалуйста. Я не хотела.

Охранник подобрал телефон. Кажется, с аппаратом было все в порядке, но охранника это не успокоило, и он мстительно опрокинул тележку с принадлежностями.

– На вот, собирай!

Чиновник не обратил внимания на своего спутника и быстрым шагом направился к стойке администратора, охранник поспешил за ним. Вскоре оттуда долетела его раздраженная реплика: «Почему у вашего персонала глаза на жопе?»

Горничная кинулась собирать раскатившиеся рулоны. Митя, оставив диван, поднял тележку и подобрал несколько полотенец.

– Не нужно, я сама, – пробормотала девушка. – Хотя ладно, спасибо… спасибо вам, Дмитрий!

Митя уже не удивлялся, что персонал отеля знает его по имени.

Они собрали почти все, когда чиновник и его злобный охранник в сопровождении портье покинули холл. Горничная с заметным облегчением вздохнула, подтянула хвостик волос, оправила платье. Митя придержал дверь, чтобы она выкатила тележку, и вышел следом в полуденную жару.

Над живой изгородью кустов жимолости порхали бабочки. Большой бронзовый фонтан на зеленой лужайке рассыпал по воздуху брызги, отливающие радугой.

Они остановились на подъездной дорожке.

– Еще раз вам спасибо огромное, – сказала горничная. – Могли сидеть на диване, а вы встали и помогли.

– Честно признаться, стало неловко за того человека. Такое скотское поведение. Порой некоторые забывают, что живут среди людей – таких же, как они. Я хотел бы за него извиниться…

– Не берите в голову. Всякие клиенты бывают. Мы привыкли. – И она неловко улыбнулась.

Ей было лет двадцать пять. Скуластое лицо, крепко сколоченная фигурка, крутые бедра, торчащая под форменным платьем грудь.

Митя уже собирался с ней попрощаться, когда горничная неожиданно спросила:

– Скажите, а это при вас вчера девочка утонула?

Он нехотя кивнул.

– Господи, еще одна!.. – Голос горничной дрожал от волнения и возбуждения. – А вы не знаете, они что-нибудь делать собираются? Органы наши. Сколько можно!

– Ищут вроде.

– Я знаю, что ищут, а толку-то… Я Сергеичу, начальнику охраны, говорила, что эта чертовщина добром не кончится. А он мне: молчи, дура!

Митя взглянул на нее с любопытством. Взял бутылочку минералки в левую ладонь, а правую положил на рукоять тележки.

– Помочь вам докатить?

– Что вы, – замахала руками девушка. – Не ваше это дело. Вы и так уже помогли больше, чем нужно. Отдыхайте лучше…

– Я все равно хотел прогуляться.

– Мне в корпус четыре эф. Это далеко.

– Вот и хорошо. Расскажете про чертовщину

Она замялась.

– Нам не велено про это болтать. Если Абрамов узнает, меня уволят.

– Обещаю, что разговор останется между нами… – Для пущей убедительности он добавил имя, которое было у нее на бейджике: – Лена.

Они неспешно двинулись по аллее. Митя катил тележку. Горничная шла рядом. Ей явно было некуда деть руки; она то складывала их на груди, то мяла пальцы.

– Девочки говорили, что вы вроде неплохой человек, хотя и при деньгах. И чаевые оставляете, и здороваетесь всегда. Не то что остальные, так называемые господа…

Она оглядела лес, вздохнула с воодушевлением.

– Порой забываешь, среди какой красоты работаешь. Такое место, природа…

– Это – да, – согласился Митя.

– Я сама из Лопотово, тут недалеко. В детстве мы все лето торчали на водохранилище: купались, домики из веток строили. Народ постарше с палатками приезжал, под гитару пел, рыбу удил. А теперь берега заборами загородили. Искупаться захочешь, к воде не подойдешь.

– Что по поводу чертовщины? – напомнил Митя.

– На Истре завелось нечто страшное, – ответила девушка.

– Почему вы так думаете?

Лена достала пачку сигарет, закурила.

– Не думаю, – ответила она. – Люди говорят. Да и сама кое-что видела. Месяца полтора назад, как раз после майских праздников, на северном берегу пошла я к Истре воды набрать. Так уж получилось, что ближе нигде не было, а вода была нужна. В особняке близ мыса отдыхала бриллиантовая молодежь…

– Золотая.

– Что?

– Обычно говорят, золотая молодежь.

– Я их называю бриллиантовой. Девки и пацаны с такими камнями ходят… В общем, хорошо они отдыхали, весело, заблевали весь первый этаж и всю террасу. А у нас, как назло, перед летом начали опрессовку, в кранах ни капли, а блевотину-то отмывать надо, иначе весь особняк провоняет. Вот и пошла к водохранилищу. А в том месте пляжа-то нету, все кустами поросло. Их сначала хотели вырубить, но Ирэн, ландшафтный дизайнер, сказала, что они красиво смотрятся, так что рубить не стали… Там тропочка есть, по ней можно к воде

спуститься. Так вот, иду по ней с ведром. Несколько метров до воды осталось. Всего делов – зачерпнуть и обратно. И вдруг слышу в кустах – бормотание.

– Бормотание? – удивился Митя.

– Да! – Она взволнованно затянулась сигаретой. – Я вначале не поняла. Остановилась приглядеться. А в кустах у воды будто кто-то разговаривает сам с собой. Только ни слова не разобрать. Лишь: бу-бу-бу, бу-бу-бу! Потом чавканье с причмокиванием, противное такое, и опять: бу-бу-бу, бу-бу-бу…

От воспоминаний у нее увлажнились глаза. Девушка заново переживала события того дня.

– Я, значит, стою, слушаю. Что делать, ума не приложу. К воде подходить всякое желание пропало. Думаю, пойду-ка тихонечко обратно. Ведро потом в насосной наберу. До нее метров триста топать, но лучше так, чем мимо этого бубубу неизвестного ходить. Стала поворачиваться, а дужкой ведра за куст зацепилась. Ветка ка-а-ак треснет! Я замерла ни жива ни мертва. Что будет? В кустах, слышу, бормотать перестало. Затаилось и слушает меня. Мне сделалось так страшно, что вздохнуть не могла. Потом вижу – кусты шевельнулись. Думаю – все, за мной… В общем, убежала я, даже ведро бросила. Вечером пришлось Сережку просить, автомеханика, чтобы сходил, подобрал. Спросила, не слышал ли чего странного. Он только плечами пожал.

– Вы кому-нибудь об этом рассказывали?

– Рассказывала, конечно. Я же говорю – начальнику охраны. Толку никакого.

– Понятно.

– Вы только не подумайте, что я все это выдумала, – встрепенулась она. – Еще несколько человек похожее видели. Люди боятся. Я сама к Истре близко не подхожу с тех пор. Вообще. Лучше так, чем снова услышать это бубубу с чмоканьем. Или еще хуже – пропасть, как те девочки.

– Думаете, эти события связаны?

– А как не связаны? Бу-бу-бу было у воды. И девчонка пропала у воды. Как не связано-то?..

– Что же это было? Человек, животное?

– Вы спросите чего полегче… Я в бога не верю, но люди, которые в церковь ходят, говорят – чертовщина на Истре завелась. А что за чертовщина, я вам не объясню. Да и никто не объяснит.

– Абрамов, значит, велел об этом молчать?

– Когда первую девчонку нашли, собрал всех и велел не распускать языки. Говорит, услышу, кто сплетничает, с работы вышибу. А у меня детей двое и муж второй месяц сидит без зарплаты. Так что проглотили языки и трудимся дальше. А куда деваться? Денежка всем нужна. Только страшно очень. Все боятся…

Некоторое время они шли молча.

– Вам хорошо, – грустно сказала она. – Приехали из Москвы, через неделю-другую назад уедете. А нам здесь жить. На месте дочки металлурга, допустим, я могла оказаться. Но меня так искать не стали бы – шлепнули бы на стенд УВД снимок фас, и все дела…

– Вы говорили, кто-то еще видел бу-бу-бу? С кем можно поговорить?

– С рыбаками. В поселках поспрашивайте. Местные вам много чего расскажут.

Дорожка привела к особняку, на котором белел номер «4F». Горничная оттеснила Митю от тележки.

– Дальше я сама, – сказала она. – Еще раз спасибо.

– Не за что. – Митя кивнул на дом. – Новые клиенты?

– Да. То ли депутат, то ли вице-мэр приезжает – не разобрала. Пашешь с утра до вечера, не разгибая спины, едва на еду хватает да ребятишкам сапожки или курточку купить. А эти как сыр в масле катаются за казенный счет. Вы только,

пожалуйста, не говорите никому о том, что я вам тут…

– Конечно.

Митя смотрел, как она затаскивает тележку на крыльцо.

* * *

Вернувшись на пляж, Митя наблюдал общение Натали с мускулистым серфером, но не стал чинить допросы. Во-первых, он привык доверять своей половинке. А во-вторых, ревность была не тем чувством, которое занимало его в данный момент.

Отыскав в сумке мобильник, Митя отошел в сторону и набрал номер Леонидыча.

– Какой Дмитрий? – не понял инспектор. В трубке хлюпала вода. – Димка, что ли? Биолог? Так бы сразу и сказал. Здорово, Димка, здорово! Чего звонишь?

– Есть новости насчет вчерашнего. Но по телефону долго объяснять.

– Я к тебе сейчас подъеду. Ты в отеле? Только к причалу подходить не хочу – я сегодня утром с хозяином отеля поругался. Типа, не понравилось ему, что без его ведома у причала с аквалангом нырял. Вот козел!

– Вы разговаривали с Абрамовым?

– Кажись, так его звали.

– Вообще-то он мой тесть, – сказал Митя.

– Оп… – говорливость Леонидыча как отрезало. – Прости, не знал.

– Да нет, – Митя украдкой оглянулся на жену, но та была далеко, чтобы услышать. – Он и правда козел.

Леонидыч рассмеялся, потом объяснил, куда Мите следует подойти, велел ждать там. Сказав Натали, что он ненадолго отлучится, Митя берегом прошел до конца территории, где забор отеля подходил к воде. Там присел на кочку и, катая в ладони сосновую шишку, принялся ждать.

Минут через десять из-за мыса послышался далекий гул, и вскоре на широкий водный простор вылетело знакомое суденышко. Возле берега катер сбавил ход, ткнулся килем в песок.

Леонидыч молча пожал Мите руку, сердито глянул на двух мужиков, нырявших с причала поселка Сосновый. Недовольно покачал головой.

– Все бесполезно, – объяснил он. – Я сегодня утром объезжал места для купания, таблички расставлял, что купаться запрещено. Думал, послушают. Но нашим людям надо на каждый пляж по часовому с «калашом» поставить.

Он снял куртку и присел у воды, собираясь ополоснуть лицо.

– Фу, ну и жара в самом деле!..

Теперь, при свете дня, Митя как следует разглядел татуировку на плече инспектора. Это был змей, обвивающий якорь. Тело змея усеивали плавники. Митя подумал, что символ означает некую категорию моряков, к которым раньше относился его новый знакомый.

– О чем ты хотел поговорить? – спросил Леонидыч, фыркая в ладони.

Пока он умывался, Митя рассказал историю про бу-бу-бу.

– Мне это все не нравится, – сказал Леонидыч, вытирая лицо рукавом тельника. – Твой рассказ только туману напускает. А надо четко разобраться, что за чудо-юдо гуляет по нашим водам и откуда оно появилось. Пока не разберемся, все будет по-прежнему.

– Горничная говорила, что местные могут что-то знать. Рыбаки, жители деревень. Может, поговорить с ними, как вы думаете?

– Как раз собирался. У тебя вообще какие планы? Не хочешь со мной прокатиться?

Митя не ожидал такого поворота. Оглянулся на желтеющий за кустами пляж, где осталась Натали.

– Что загрустил? – спросил Леонидыч. – Боишься? Так я вчера еще сказал, что без спасжилета не повезу. А в жилете, знаешь ли, трудно утонуть, хотя, я слышал, находились виртуозы. Но в тяжелом алкогольном и не такое случается…

– Да нет, не совсем в этом дело.

Дело было не в страхе. Спасательный жилет и крепкие борта катера ограждали от связанных с водой опасностей, а личность Леонидыча придавала уверенности. Дело было в другом. Хотя Митя и доверял супруге, ему все-таки не хотелось оставлять ее одну на пляже, когда вокруг вились накачанные белозубые мачо.

Но с другой стороны, а что может случиться? Натали – женщина замужняя, отдыхает в компании малолетнего ребенка. А маленькие дети обычно отпугивают любителей сорвать вишенку.

«Точно, – подумал Митя, – Маруся последит за мамой».

– Давайте прокатимся, – решился он. – Только мне надо предупредить супругу.

Глава 7

Около пяти часов вечера гости отеля собрались на просторной лужайке перед спортивным корпусом, где устраивался турнир по крокету. На стриженой траве в лучах солнца сверкали проволочные арки и воротца, по краям поляны белели укрытые скатертями столы с выпечкой и сладостями. Между столами сновали официанты, разносившие чай и напитки гостям и участникам турнира. Крокет был удивительной игрой, сочетающей полдник с легкими физическими упражнениями.

Натали вошла на лужайку, катя коляску, в которой полулежала, щурясь от солнца, недавно проснувшаяся Маруся. Коляска была навороченной и имела несколько вариантов трансформации, в одном из которых, кажется, превращалась в смертоносную машину, плюющуюся гранатами и очередями пуль. Голову Натали украшала шляпа с огромными полями. Легкое платье в горошек изящно облепляло фигурку. Предприниматели и менеджеры забывали о любовницах с женами и провожали ее завороженными взглядами.

Однако в этот раз мужское внимание не радовало Натали. Сердито толкая перед собой коляску, она думала о странном поведении Савичева. Все утро он пропадал неизвестно где, вместо того чтобы проводить время с семьей, а под конец и вовсе сообщил, чтобы обедали без него – ему якобы надо прокатиться куда-то на катере. Натали отложила фриволите и, посмотрев ему в глаза, заметила, что Митю используют. Он повелся на чужие игры, и теперь его втягивают в дела, которые его совершенно не касаются. Мужа задели эти слова. Он ответил, что не маленький и сам разберется, что его касается, а что нет. И ушел. Натали очень обидело, что он все-таки ушел.

Митя не вернулся ни после обеда, ни после Марусиного сна. А когда она ему позвонила, то услышала лишь скороговорку, что ему сейчас некогда с ней разговаривать, он перезвонит позже. Она кинула трубку, кипя от злости. Ему, видите ли, некогда! Бросил одну с ребенком на целый день. Не интересуясь, что она чувствует, что у нее на душе. Превратил в няньку. А между тем она прекрасно помнила слова, сказанные им после свадьбы. Он сказал, что они должны распределять семейные обязанности поровну. Сейчас это звучало лицемерно. Чтобы изгнать беспокойные мысли, Натали решила развлечься и отправилась сюда.

Лица многих людей на лужайке выглядели знакомыми. Кое-кто с ней здоровался, и в голове смутно всплывали фамилии и должности. Она давно не общалась с ближним кругом отца и забыла многих его друзей и знакомых. Да что знакомых – своих двоюродных и троюродных родственников могла вспомнить не всех. А родни у отца и матери было достаточно. Их братья и сестры женились, заводили детей, разводились, заводили детей от нового брака, в результате чего клан Абрамовых ветвился и множился. Отец по мере сил помогал всем: сводил с нужными людьми, устраивал контракты, сажал на должности. Благодаря ему родственники становились богатыми и влиятельными. Их было много, но за годы учебы, а затем и замужества Натали всех позабыла. Неудивительно, если некоторые из гостей, которые здоровались

с ней на лужайке и которых она не узнавала, были связаны с ней кровным родством.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Клуб вязания.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-vargo/himera

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить